

ЭЙМИ КАРТЕР

АНИМОКСЫ

О·Ш·И·Б·К·А
С·А·Й·М·О·Н·А

АНИМОКСЫ

Эйми Картер
Ошибка Саймона

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

Картер Э.

Ошибка Саймона / Э. Картер — «Эксмо», 2018 — (Анимоксы)

ISBN 978-5-04-163405-6

Саймон и Нолан — братья-близнецы. Никто бы не отличил их друг от друга: внешне они совершенно одинаковые. Только Саймон рос с дядей в человеческом мире, а Нолан — с мамой и бабушкой среди анимоксов — полулюдей-полуживотных. Саймон не может простить брату то, что всё детство мамы не было рядом. Но сейчас не время вспоминать старые обиды, потому что весь мир анимоксов в большой опасности! Повелитель Птиц, их дед, мечтает собрать Осколки самого мощного оружия и подчинить себе весь мир. Саймон приготовился сражаться с Орионом до последнего. К тому же он уже нашёл три Осколка. Только одно происшествие спутало все его планы! Нолан неожиданно исчез... прихватив с собой все найденные Осколки... Пятая книга в серии «Анимоксы».

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-163405-6

© Картер Э., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

1	6
2	11
3	16
4	20
5	26
6	30
7	36
8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эйми Картер Ошибка Саймона

Aimée Carter

SIMON THORN AND THE EAGLE'S LAIR

Text © 2018 by Aimée Carter

First published in Germany in the German language by Oetinger Verlag under the title «Animox
5: Der Flug des Adlers»

Cover design by Frauke Schneider © Verlag Friedrich Oetinger GmbH, Hamburg

Серия «Анимоксы»

© Чамата Т. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Тебе, мой читатель.

Я была счастлива писать для тебя историю Саймона.

Спасибо.

1

Упитанный голубь

Тук-тук. Тук-тук-тук.

Саймон Торн открыл глаза. Он лежал в спальнике на полу своей комнаты, тяжело дышал и вспотел, потому что солнце было уже очень жарким. Всего мгновение назад ему снился кошмар, и хотя Саймон не помнил, что именно в нём было, его не покидало чувство, что нужно куда-то бежать, пока не стало слишком поздно.

Тук. Тук-тук-тук.

– Будь добр, скажи своим дурацким голубям, что не все тут хотят вставать в шесть утра, – пробурчала Уинтер, свернувшаяся клубочком на кровати Саймона. Точнее, на бывшей кровати – Саймон спал на ней до прошлого сентября, когда они с дядей Дэррилом ещё жили в этой квартире. Но сейчас на улице цвёл май, и изменилось не только время года.

Тук. Тук-тук. Тук-тук-тук.

Уинтер застонала и накрыла голову подушкой.

– Если ты их сейчас же не заткнёшь, я открою окно и сделаю из них...

– Блинчики с голубями? – спросил Саймон, вставая. Уинтер, сморщившись, взглянула на него из-под подушки.

– Фу, нет, гадость какая. Кто вообще будет есть блинчики с голубями?

– Забудь, – пробормотал Саймон, приоткрывая окно. На подоконнике перед пожарным выходом толпился десяток голубей, пытающихся пропихнуться вперёд.

– Еда? – спросил самый упитанный из них. Саймон его знал – он прилетал каждое утро. Мысленно вздохнув, он достал из закрытого пластикового контейнера со стола пару кусочков хлеба и бросил в толпу, безрадостно наблюдая, как голуби дерутся за чёрствые крошки.

– Никто не заставляет тебя туда идти, – приглушённо заметила Уинтер. – Ты вчера ничего не нашёл, сегодня не найдёшь, и завтра тоже.

– Возможно, – сказал Саймон. – Но я всё равно проверю.

Она что-то неразборчиво проворчала и зарылась в подушку ещё глубже.

– Ладно. Иди, если тебе неймётся. Но кое-кто уже явно встал, потому что я чую кофе, а прикрывать я тебя больше не стану.

Но Уинтер лукавила – она прикрывала его каждое утро, что они встречали в квартире, куда Саймон и не надеялся больше вернуться. Но он всё равно кивнул, прикрыл глаза, представляя голубя, и тело его начало уменьшаться.

Всё закончилось так быстро, что он едва заметил, как кожа покрылась перьями, как руки обернулись крыльями, босые стопы – когтями. Даже изменившееся зрение, практически позволяющее заглянуть себе за спину, ничуть его не смутило, и стоило человеческому телу превратиться в птичье, как он вскочил на подоконник, вливаясь в голубиную стаю. Птицы, остервенело хватающие крошки, прервались и попятились подальше от него. Саймон их понимал, в общем-то. Если бы у него на глазах голубь внезапно обернулся человеком, он бы тоже отступил назад. Но за несколько недель многие птицы привыкли к Саймону, поэтому вскоре вернулись к трапезе.

– Не умри, – сказала Уинтер и с тихим стуком закрыла окно. Через стекло Саймон смотрел, как она возвращается в постель, и оторвал взгляд, только когда в него врезался тот самый упитанный голубь.

– Мог бы и остальным оставить, – проворчал Саймон. Голубь курлыкнул.

– Еда? – снова спросил он, и Саймону пришлось сдерживать тихие ругательства, чтобы его не спугнуть.

– Заканчивай, и полетели, – сдался он. Голубь, не замечая его плохого настроения, вновь накинудся на горбушку. Самому Саймону тоже хотелось есть, но он так и не смог заставить себя поклевать хлеб. Несмотря на то что он был анимоксом, человеком, способным превращаться в животных, Саймон так и не привык питаться ни в одном из доступных ему обличий.

А таких было много – столько, сколько он хотел. Он мог становиться голубем, волком, дельфином – кем угодно, потому что Саймон отличался от обычных анимоксов, которые превращались в какое-нибудь одно животное. Он происходил из рода Звериного короля, тирана, жившего пятьсот лет назад, который украл способности множества анимоксов, – а теперь эти способности передались Саймону. Те немногие, что знали о его силах, считали их крутыми и полезными, достойными хвастовства, если бы не были такой большой тайной, но Саймон знал печальную правду. Его силы и правда особенные – настолько, что поставили Пять Царств анимоксов под угрозу войны, о которой те пока даже не знали.

Неудивительно, что ему снились кошмары. В голову постоянно лезли мысли о назревавшем конфликте, и даже свежий утренний воздух не помогал. В последнее время вообще ничего не помогало, какие бы усилия ни прикладывали Уинтер, друзья и семья. Он знал, к чему всё идёт, и понимал, что не остановит войну, даже спрятавшись от мира анимоксов в своей старой квартире.

– Да заканчивай уже, – нетерпеливо сказал он голубю, который не мог оторваться от еды. Уинтер была права – времени было мало, потому что скоро за ним должен был прийти дядя Малкольм. Если он поймёт, что Саймон в очередной раз сбежал на улицу, несмотря на прямой запрет, то точно заставит его месяц драить туалеты.

Поэтому, окончательно отчаявшись, он сделал то, чего делать не следовало: обернулся маленькой собачкой и негромко гавкнул, распугивая голубей. Идея была дурацкой, но в перелуке никого не было, а так он спасся от очередного спора с Малкольмом, значит, риск того стоил. Голуби взмыли в воздух, и Саймон, вновь сменив облик, присоединился к ним, безупречно слившись с толпой – спасибо нескольким неделям тренировок. К счастью, стая не стала возвращаться к крошкам, оставшимся на пожарной лестнице, а полетела напрямик к манящей зелени Центрального парка, располагавшегося на соседней улице.

Когда Саймон ещё не знал о существовании анимоксов, не познакомился с Уинтер и Малкольмом, когда даже не подозревал, что в нём скрывается нечто особенное, он каждое утро шёл в школу, срезая дорогу через северо-западный угол Центрального парка. Даже сейчас, пролетая сквозь едва распутившуюся листву, он видел тропинку, по которой ходил бесчисленное множество раз. Одноклассников не видно – слишком рано, – но он представил себе Колина Хартвуда, бывшего лучшего друга, и Брайана Баркера, который постоянно его задирает, вместе шагающих по дороге с рюкзаками, набитыми учебниками. В школе Саймон был несчастен, но он бы отдал всё, чтобы вернуться во времена, когда судьба мира не лежала на его плечах. Когда жизнь была простой, а дядя Дэррил – живым.

Дядю убил правитель Царства Птиц – Орион – и дедушка Саймона. И сколько бы друзья и семья ни убеждали Саймона, что он ни в чём не виноват, он отказывался верить. Это за ним дядя Дэррил поднялся на самый верх Небесной башни, небоскрёба в паре улиц от Центрального парка. Это его он пытался защитить и лишился жизни, умерев на глазах у Саймона.

Его смерть стала первым событием в цепочке кошмаров, начавшейся, когда Саймон узнал об анимоксах. И сейчас, несколько месяцев спустя, казалось, что вся его жизнь разделилась на «до» и «после». И он твёрдо пребывал в «после» – а потом Малкольм решил, что укрываться от анимоксов будет лучше всего в том же месте, где дядя Дэррил прятал Саймона большую часть его жизни. Снедаемый мыслями о прошлом, Саймон уже не знал, движется вперёд или назад.

Голуби резко повернули влево, в сторону Гарлема – района к северу от Центрального парка. Саймон, не ожидавший этого, за ними не полетел и остался в компании одного лишь солнца, поднимающегося из-за горизонта. В стае безопаснее – если за ним следят, разглядеть его среди голубей будет сложнее. В одиночку же он станет лёгкой добычей для армии Ориона.

Но Орион не знает, что Саймон умеет превращаться в разных животных, иначе давно бы его выследил. А поскольку Птиц поблизости Саймон не замечал, то мог смело предполагать, что Царство Птиц до сих пор считает, что он способен превращаться только в орла, как и сам Орион. Значит, с ним всё будет хорошо, если Птичья армия вдруг не раскроет его тайну именно сегодня. Глубоко вдохнув, Саймон отбросил все сомнения и резко повернул вправо, в Центральный парк. Время поджимало, и он не мог тратить его на голубей.

Когда он пролетел над водохранилищем, по коже пробежали мурашки – кажется, среди деревьев неподалёку мелькнул ястреб, но он пропал так быстро, что Саймон не успел его разглядеть. Крепко стиснув клюв, он ускорился, проносясь над лодочной станцией и статуями, украшающими парк, над людьми, пораньше вышедшими на пробежку или выгулять собак, пока не добрался до ограды зоопарка. Но его интересовал не сам зоопарк – а школа, спрятанная под землёй.

Передовой Результативный Институт для Юных Талантов, он же ПРИЮТ – лучшая школа анимоксов в стране. Там учились самые сильные представители Зверей, Рептилий, Насекомых и Арахнидов, а также анимоксы из Подводного Царства, и в начале года Саймон к ним присоединился. Именно там он познакомился с дядей Малкольмом – и, к удивлению Саймона, со своим братом-близнецом, о существовании которого даже не подозревал. Нолан тоже не знал о Саймоне, что привнесло в жизнь новые сложности, о которых Саймон хотел бы забыть по многим причинам.

С тяжёлым сердцем он приземлился на решётку вольера с тюленями в центре зоопарка. Столь ранним утром на территории никого не было, и при виде пустых мощёных тропинок Саймон содрогнулся. Обычно даже после закрытия зоопарка его патрулировали волки, которых приходилось избегать. Но они давно оставили обязанности, и это было непривычно.

Внимание привлёк ястребиный клич, и Саймон быстро обернулся, ища глазами птицу. Поблизости никого не оказалось, но это не значило, что за ним не наблюдают.

Неужели Птицы всё же прознали? Кто-то заметил, как он обращается в голубя, или за ним следили, когда он стал псом? Саймон даже не пытался скрыться от чужих глаз. Раньше Орион уже посылал голубей шпионить за ним, и кто угодно из стаи мог донести ему.

Несколько минут Саймон ждал. Он и сам не знал, чего именно – может, клёкота. Подозрительного птичьего крика. Появления армии Ориона, состоящей из самых опасных хищных птиц. Но ничего подозрительного не было слышно – лишь привычные звуки города и зверей, проснувшихся с восходом солнца. И если Саймон хотел вернуться до того, как Малкольм заметит его отсутствие, нужно было пошевеливаться.

Решительно хлопнув крыльями, он перелетел в скрытый закуток неподалёку от входа, где стояли две статуи волков. Статуи были не простыми – под ними покоились могилы его отца и дяди Дэррила. Саймон приземлился перед каменным волком, беззвучно воющим на невидимую луну, внимательно проверил, нет ли кого поблизости, а затем обернулся человеком. Он знал, что рискует, но приходил сюда уже несколько недель подряд, и пока никто его не поймал.

– Так странно жить в нашей квартире без тебя, – пробормотал он, обращаясь к воющему волку, по морде которого бежал шрам – точно такой же, какой был у дяди Дэррила. – Иногда я натыкаюсь на дядю Малкольма и вижу в нём тебя.

В такие моменты тяжелее всего. Он знает, что по отношению к Малкольму это нечестно, но в глубине души, несмотря на все события прошедшего года, до сих пор оплакивает единственного родителя, с которым рос. И не важно, что Дэррил приходился ему дядей. Мама навещала его раз в сто лет, задерживаясь всего на пару часов, и всё их общение сводилось к открыткам, которые она посылала Саймону каждый месяц из разных уголков страны. Настоящей семьёй для него был дядя Дэррил, который всегда оставался рядом.

Саймон посмотрел на вторую статую. Каменный волк склонил голову, и хотя он был моложе первого и не носил шрамов, было в нём что-то печальное, будто он понимал, что так и не прожил жизнь, которой заслуживал. Саймон не знал своего отца – Орион убил его ещё до рождения Саймона. Но именно Люк Торн передал им с Ноланом способности Звериного короля, и он ощущал с отцом связь, которую не мог выразить словами.

– Я не знаю, что делать, – тихо признал он, обращаясь скорее к себе, чем к холодному камню. – Уже несколько недель прошло, а дядя Малкольм так и не нашёл Нолана с Селестой. За ними охотится вся стая, а если мы их не отыщем...

Он виновато поглядел на статую Дэррила. Дядя умер, защищая Саймона, но вместе с тем – чтобы не позволить Ориону добраться до Сердца Хищника, оружия, с помощью которого Звериный король много столетий назад присваивал способность анимоксов. Расправившись со Звериным королём, все Пять Царств забрали и спрятали по Осколку Хищника, чтобы больше никто не собрал оружие. Но мама Саймона нашла тайники – и Орион, её отец, похитил её, чтобы заставить украсть Осколки. Но оказалось, что в открытках, которые она всю жизнь посылала Саймону, скрывались подсказки к местонахождению частей Хищника. В итоге у Ориона остались два Осколка, а Саймон с помощью открыток нашёл три оставшихся.

Но не только Орион за ними охотился. Селеста, мать Малкольма и бывшая Альфа Царства Зверей, тоже хотела их заполучить. Селеста усыновила папу Саймона и вырастила его как собственного ребёнка – то есть приходилась Саймону бабушкой. Сам он так и не смог её признать, но Нолан провёл с ней всю жизнь. Он любил её, и в апреле она каким-то образом уговорила его украсть Осколки, которые нашёл Саймон, и сбежать с ней, бросив остальную семью. Бросив Саймона. И теперь всё, над чем он работал с сентября – всё, что он разузнал, все предпринятые шаги, всё, ради чего умер дядя Дэррил, – пропало. А как только Селеста придумает, как выкрасть у Ориона оставшиеся Осколки, она соберёт оружие и получит все силы анимоксов, какие только захочет. И хотя она обманом заполучила доверие Нолана, Саймон не

сомневался: она убьёт брата с помощью Хищника, поглотит могущество Звериного короля и будет править Пятью Царствами анимоксов железной рукой.

Часы на противоположном конце зоопарка пробили семь утра, и Саймон дёрнулся от неожиданности. Малкольм должен уже проснуться, но Саймон никак не мог заставить себя посмотреть на выщербленный камень у подножья статуи дяди Дэррила. Потому что сколько бы он ни искал их глазами, сколько бы ни надеялся, открыток под ним никогда не было. Нолан его бросил. Мама его бросила. И хотя ему было всего двенадцать и он понимал, что никто не должен был сваливать на него такую ответственность, Саймон знал: если он будет прятаться и медлить, то вина за гибель всех анимоксов ляжет на его плечи.

Он пообещал себе, что больше не придёт. Летать и превращаться в общественных местах опасно – и, может, стоило поговорить с Малкольмом и вместе решить, что делать дальше. Они могли бы что-нибудь предпринять, а не просто сидеть и ждать, пока кто-нибудь соберёт Хищника. Хотел Саймон того или нет, но Осколки нужно соединить. Только так можно уничтожить оружие. Остается надеяться, что Саймон сможет с ним разобраться, пока им не воспользовался кто-то другой.

– Саймон! – разнёсся по безлюдному закутку возглас, и Саймон дёрнулся. На ветке неподалёку сидел тот самый упитанный голубь с подоконника и смотрел на него глазами-бусинками.

– Ты что тут делаешь? – спросил Саймон, одновременно разочарованный и от неожиданности забывший, как дышать. – У меня нет для тебя еды. И завтра не будет, и вообще никогда...

– Саймон, – повторил голубь, распушая перья. – Смотри.

Нахмурившись, он огляделся, пытаясь понять, что так взволновало голубя, но рядом никого не оказалось.

– Куда смотреть? – спросил он. – Я не ем зёрна. И мусор не ем. Или что ты там заме...

– Смотри. – Голубь дёрнул головой в сторону статуи дяди Дэррила, и Саймон машинально глянул вниз, на разболтанный камень.

Пульс подскочил. Он не верил своим глазам. Столько времени прошло, это было невозможно. Но нет – из-под камня выглядывал уголок открытки.

Он вытащил её дрожащими руками и оглядел панораму Нью-Йорка, на переднем плане которой трое голубей заглядывали в камеру. Что-то в пейзаже показалось знакомым, и на лбу выступила капелька пота.

Фотографию сняли с крыши Небесной башни. А на обратной стороне открытки красовался текст, который будто напечатали на старинной печатной машинке:

Сегодня в восемь. Не опаздывай.

2

Взаперти

Всего через пару минут Саймон влетел на пожарную лестницу рядом с окном спальни. Несмотря на взъерошенные перья и сверкающие глаза, он улыбался во весь рот.

– Впусти меня! – крикнул он, колотя по стеклу клювом. Солнце светило прямо в окно, и разглядеть тёмную спальню не получалось. – Уинтер, ты не поверишь, что я нашёл в...

И тут окно распахнулось. От неожиданности Саймон отпрянул, чуть не выпустив из когтей открытку. Встряхнувшись, он поднял голову, слишком счастливый, чтобы злиться на Уинтер.

Но перед ним стояла не она.

Сверху вниз на Саймона смотрел Малкольм, тёмные волосы скрывали синие глаза и нахмуренные брови.

– Ну, где? – низко прорычал он. – Не обращай на меня внимания, продолжай.

Саймон помедлил. Ему очень хотелось улететь, но он понимал, что так сделает только хуже, поэтому запрыгнул на подоконник, а оттуда перескочил в комнату, обходя дядю стороной. Уинтер сидела в постели, растрёпанная и заспанная. Саймон, вернув себе человеческий облик, присел рядом.

– Я был в зоопарке, – признался он. – Просто хотел поведать дядю и папу. А потом вот, – поспешно добавил он, пока Малкольм не отчитал его за безрассудство и глупость. – Нашёл открытку.

Он передал её Малкольму. Тот, оглядев записку, ещё сильнее нахмурился.

– От кого она? – спросил он, рассматривая обратную сторону.

– Не знаю, – ответил Саймон. – Мама всегда писала записки от руки, но, может... не знаю. Может, у неё не было ручки.

– Зато была печатная машинка, – низко пророкотал Малкольм. – То, что ты нашёл открытку в зоопарке – не значит, что её послали тебе, Саймон.

– Но она была там же, где мама всегда их оставляла, – возразил он. – И вот, смотрите – фотографию сделали с крыши Небесной башни.

Малкольм вновь оглядел открытку, сжимая её так сильно, что погнул край.

– Это ничего не доказывает. Даже если её действительно оставили тебе, она могла лежать там неделями.

Саймон виновато заломил руки и пересёкся взглядом с Уинтер.

– Я... – начал он.

– Он и вчера проверял, – прямо сообщила Уинтер, не выбирая слова, как обычно делал Саймон. – Он каждое утро летает в зоопарк вместе с голубиной стаей и ищет открытки.

– И меня ни разу никто не заметил, – быстро добавил Саймон. – Я всё продумал.

Малкольм медленно опустил открытку. На лбу его пульсировала вена. Так бывало только перед выволочкой, и Саймон едва сдержал дрожь.

– Простите, – выпалил он и залепетал так быстро, что начал путаться в словах: – Я не могу постоянно сидеть взаперти. Мне надоело учиться. Надоело смотреть телевизор. Надоело ждать, пока что-то случится, и я просто не могу думать о... о том, что сейчас творится. Нолан... может оказаться где угодно. А вдруг он...

Саймон замолчал, но, судя по мрачному лицу дяди, тот прекрасно понял, что он хотел сказать. Тяжело вздохнув, Малкольм убрал открытку в карман и провёл ладонью по волосам жестом, до боли напомнившим дядю Дэррила.

– Если бы что-то случилось, мы бы узнали, – сказал он напряжённо. – Моя мать – та ещё женщина, но она будет защищать Нолана, пока...

– Пока не захочет его убить, – закончил Саймон. Малкольм коротко кивнул. – И всё равно, должны же мы сделать хоть что-то, даже... даже какую-нибудь глупость, например, пойти сегодня в Небесную башню.

Малкольм неразборчиво выругался себе под нос и, ничего больше не сказав, вышел из спальни в коридор. Саймон с Уинтер переглянулись и поспешили за ним.

В гостиной негромко бормотал телевизор, перед которым на краю дивана сидел коричневый мышонок. Саймон знал, что лучше не отрывать Феликса от утренних новостей – и дневных, и вечерних тоже, и от кучи разных сериалов, к которым он пристрастился, – но нужно было поговорить. Дотянувшись до пульта, он отключил телевизор.

– Эй! – воскликнул Феликс, повернувшийся так быстро, что едва не рухнул с дивана. – Я же смотрел.

– Потом посмотришь, – ответил Саймон, поднимая мышонка на ладони. – Я нашёл открытку.

– Открытку? От мамы? – спросил Феликс, резко позабыв, что пропускает новости.

– Не знаю, – сказал Саймон и пошёл за Уинтер на кухню, где молодая женщина с собранными в растрёпанный пучок рыжими волосами наливала Малкольму кофе. Заметив Саймона, она улыбнулась.

– Вижу, утро выдалось интересным. – Зия приходилась ему тётей – была биологической сестрой отца, никак не связанной с Дэррилом и Малкольмом, – и познакомились они только в ноябре, когда Саймон с друзьями поехал в Аризону. За последние месяцы она изловчилась и влезла в его жизнь так, будто всегда была рядом – и Саймон не был против. Зато он был против поцелуя в щёку, которым она наградила Малкольма. Саймону и так жизнь много чего подбросила, думать ещё и об этом он не хотел.

– Ты ведь должна быть в отеле с Джемом и Арианой? – спросил он, ставя Феликса на стол.

– Ага. Но узнала, что вчера твой дядя забыл купить хлопьев, поэтому решила заглянуть к вам пораньше. – Она с прищуром поглядела на Малкольма, который пил кофе залпом, не добавив ни молока, ни сахара. – Я так понимаю, что-то случилось? – медленно добавила она. Ответил он, только поставив на стол пустую кружку.

– Саймон каждый день сбегал на улицу, – сказал Малкольм, бросая на него испепеляющий взгляд. – Хотя я ему запретил.

– Ты так говоришь, будто удивлён, – сказала она, прислоняясь к столешнице и помешивая содержимое собственной чашки. Уинтер спокойно потянулась к кофейнику, но Зия скользнула вбок, ловко преграждая путь. – Ты бы на месте Саймона поступил точно так же. И вообще, – добавила она, не дав Малкольму возразить, – уж кто-кто, а Саймон способен себя защитить.

Дядя заворчал, и Саймон благоразумно спрятался за дверцей холодильника, доставая молоко и апельсиновый сок. За утро он налетался, так что есть хотелось жутко.

– А ещё я нашёл открытку, – добавил он. – Со мной хотят встретиться сегодня вечером на крыше Небесной башни.

– Небесной башни? – Зия со стуком опустила кружку на столешницу. – Кто?

– Понятия не имеем, – мрачно ответил Малкольм и показал Зие открытку, пока Саймон ставил на стол сок и молоко. Она внимательно её осмотрела, то и дело вращая её в руках, будто искала какую-то подсказку.

– Но какие-то догадки должны быть, – сказала она. Уинтер тем временем занялась хлопьями, принесёнными Зией. Саймон же, несмотря на голод, считал, что урчащий живот может немного подождать.

– Это мог быть кто угодно, – ответил Малкольм, опускаясь на стул. – Изабель. Орион.

– Нолан, – добавил Саймон. Дядя с тётей посмотрели на него. – Я думаю, это от него.

– Почему? – тут же спросил Малкольм. – Ты с ним связывался?

От надежды в голосе дяди сердце заныло, и он покачал головой.

– Просто... предчувствие, – промямлил он. И не соврал. Да, он до сих пор злился и расстраивался, что брат украл Осколки и бросил его, но в глубине души пытался убедить себя, что всё это – лишь часть грандиозного плана, о котором Нолан не рассказал. Чем больше проходило времени, тем меньше оставалось на это шансов, но Нолан всегда рвался найти Осколки и спасти маму. Может, пришла пора.

– Предчувствия мало, – проворчал Малкольм. – Вдруг это ловушка.

– А смысл? – спросил Саймон. – Зачем меня ловить? От меня больше никакого толка. Осколков у меня нет. Орион не в курсе про мои силы...

– Тшш... – Зия вскинула руку, и Саймон мгновенно замолчал. – То, что мы никого не видим, не значит, что нас не подслушивают.

– Если подслушивают, то и наблюдают тоже, – пробормотал Саймон. – А если наблюдают, то и так всё знают.

– Не важно, – сказала она. – Мы пытаемся тебя защитить. Не испытывай судьбу.

Он присел напротив Уинтер.

– Ну так зачем? – повторил он. – Зачем я мог понадобиться Ориону?

Малкольм почесал затылок, глядя в пустую кружку из-под кофе так, будто в ней скрывались ответы.

– Даже если причина нам неизвестна, это не значит, что её нет, – сказал он. – И если он попытается тебя схватить...

– Я сбегу, – уверенно сказал Саймон. – Раньше получалось, и сейчас получится.

Дядя поморщился. Раньше он понятия не имел, что на протяжении предыдущих восьми месяцев Саймон постоянно сбегал, разыскивая Осколки Хищника. Но в прошлом месяце Саймону пришлось рассказать о своих способностях, и Малкольм обо всём догадался.

– Я против, – сказал он. – На крыше Небесной башни мне тебя не защитить. Никому не защитить.

– Говори за себя, – пискнул Феликс, забираясь на стол и утаскивая хлопья, выпавшие из переполненной миски Уинтер. Малкольм нахмурился лишь сильнее.

Саймон покачал головой:

– Вы говорили, что раз я так далеко зашёл, то вы не станете останавливать меня на полпути. Понимаю, вы хотите меня защитить, но... – Он раздражённо смолк. – Я могу о себе позаботиться, и со мной случались вещи похуже.

– Твои шрамы тому доказательство, – буркнул дядя.

– Он просто берёт пример с тебя, – сказала Зия, оглядывая Малкольма с ног до головы. Она была права – пусть у Саймона действительно есть парочка шрамов, заработанных во время поисков Осколков и сражений с самыми страшными анимоксами, тело Малкольма усыпали следы битв, в которых он участвовал. Как Альфа Царства Зверей и прежний лидер волчьей стаи, он частенько попадал в передряги, защищая своих людей. Саймон поступал так же. Он был младше, но это не значило, что он не способен спасти мир анимоксов – если дядя выпустит его из квартиры, конечно.

– Я всё равно пойду, – сообщил Саймон решительно, потянувшись к хлопьям. – Злитесь сколько хотите, но вы меня не удержите, а я не собираюсь упускать единственный шанс.

Кухня погрузилась в тишину. Малкольм прожигал взглядом кружку, Зия внимательно на него смотрела, но в итоге оба промолчали.

– Наверное, стоит сказать об этом Джем с Арианой, – сказала Уинтер, проглатывая хлопья. – Они точно захотят присоединиться.

Пробормотав под нос пару ругательств, Малкольм встал и налил себе ещё кофе.

– Ты хоть представляешь, как тяжело провести шпионов в Небесную башню? – спросила Ариана вечером, когда они встретились в закусочной на Манхэттене. С обеих сторон её зажимали Джем и Дев, её друг и телохранитель, и ей явно не нравилось, как они нависали над ней, пока она тыкала вилкой в шоколадные блинчики. – Последних четверых съели, так что добровольцев больше нет.

– Нам не нужны шпионы внутри башни, – терпеливо сказал Саймон, поедая бутерброд с плавленым сыром. – Мы с Ноланом...

– Или кем-то другим, – заметил Малкольм, сидящий во главе стола.

– ...встречаемся на крыше, – закончил он, намеренно не взглянув на дядю. – Не хочу, чтобы за мной бегали твои пауки, мухи или какие там у тебя шпионы.

Ариана поморщилась, и на её лицо упали тёмные волосы. Саймон подозревал, что это её натуральный цвет, но под ним скрывалась целая радуга, которая проглядывала, стоило ей пошевелить головой.

– Мухи на меня не работают. Они слишком заметно жужжат. И вообще, наверное, заглушат разговор, который должны подслушать. Но если дашь мне время, – добавила она, – может, всплывёт что-нибудь полезное.

Саймон попытался подавить вздох. Месяц назад мама Арианы умерла, и она стала новой Королевой Чёрной Вдовой, правительницей царства Насекомых и Арахнидов – то есть стала контролировать обширную шпионскую сеть, – и большая её часть занималась исключительно поисками Нолана. Саймон был благодарен за помощь, но её агенты до сих пор ничего не раскопали.

– Если они не найдут Селесту или место, где Орион спрятал оставшиеся Осколки, то другого шанса у нас не будет, – сказал он.

– Согласен с Саймоном, – произнёс Джем, жуя бутерброд с тунцом. Очки сползли по его носу, и он успел поправить их за секунду до того, как они плюхнулись в суп. – Даже если на встречу придёт кто-то опасный, он справится. А мы поможем.

– Ага, с земли, – сказала Ариана. – В сорока этажах от него.

– Думаю, я знаю, как нам пробраться в Небесную башню, – неожиданно сказала Уинтер, сидящая на противоположном конце стола. Она практически не участвовала в разговоре, и Саймон, видя, как она ковыряется в салате, догадался, в чём дело. Орион растил Уинтер как

собственную внучку, а когда узнал, что она превращается в змею, а не в птицу – тут же бросил её. И больше она в Небесной башне не появлялась.

– Слушайте, – произнёс Саймон, и разговоры прекратились, а на него уставились шесть пар глаз. – Встречаться на крыше – это опасно, да, но только потому, что мы не знаем, кого ждать. Я справлюсь. Но пробираться в Небесную башню и посылать туда шпионов... так кто-нибудь точно умрёт. А я не хочу, чтобы из-за меня опять кого-то убили, понимаете? Особенно кого-то из вас.

Какое-то время все молчали, а потом Малкольм кашлянул.

– Ладно, – сказал он. – Говори, что от нас требуется, и мы всё сделаем. Даже с земли.

Саймон посмотрел на него с благодарностью, и хотя он сомневался, что от них что-нибудь потребуется, сказал:

– Тогда давайте составим план.

Вечером, без пяти минут восемь, спрятавшись в тёмном углу Центрального парка неподалёку от входа в зоопарк, Саймон обернулся орлом и полетел к Небесной башне. Скользя между зданий, он заметил друзей и родных, расположившихся вокруг небоскрёба на местах, которые для них выбрал Джем. Они наблюдали за ним, однако Саймон чувствовал себя в полном одиночестве, когда взмыл к крыше и приземлился на скользкое стекло рядом с большим куполом. Раньше в Небесной башне находилась оживлённая нью-йоркская штаб-квартира Царства Птиц, однако, когда Саймон заглянул в окно, внутри никого не оказалось. И, судя по слою пыли, покрывавшему мебель, забросили пентхаус уже давно.

Оглядев крышу, он заметил место, где умер дядя Дэррил, тяжело сглотнул и поспешно отвернулся. Кровь уже давно смыло, но он всё равно боялся приблизиться. Может, прийти сюда действительно было плохой идеей, подумал он, напряжённо наблюдая за солнцем, окрасившим горизонт в лилово-золотые тона. Сколько запасных планов ни придумывай, все понимали – если с Саймоном что-то случится на крыше, никто не придёт ему на помощь. По крайней мере, не настолько быстро. Он был в полном одиночестве и не смог бы защититься даже от стаи ворон, если бы они напали на него, как напали на дядю Дэррила.

Однако не успел он решить, что лучше уйти, как услышал далёкий бой курантов в зоопарке – такой же, какой слышал сегодня утром. Наступило восемь вечера. Отступать было поздно. Подавив волну волнения, грозившую накрыть с головой, он снова огляделся, пытаясь найти кого-нибудь взглядом.

Но прошла минута, затем ещё одна, а никто так и не появился. Саймон нервно обыскал противоположный край крыши, пытаясь понять, не перепутал ли время. Может, тот, кто послал открытку, планировал, что её найдут вчера? Или фотографию всё же сделали не с Небесной башни. Однако, посмотрев на расстилающийся перед ним пейзаж, он убедился, что выбрал место правильно.

Прошла ещё минута. Долго он собирался ждать? В открытке было написано не опаздывать. Но вдруг никто не собирался к нему приходить? Вдруг Малкольм был прав и Саймон оказался в западне?

Он расправил крылья, готовясь взлететь, как вдруг уловил шорох крыльев. Он резко обернулся – и чуть не свалился с крыши, лишь в последний момент удержавшись на ногах.

– Здравствуй, Саймон.

Между ним и куполом стоял потрёпанный орёл и смотрел на Саймона единственным здоровым глазом. И хотя в свете заходящего солнца его крылья переливались необычными цветами, Саймон узнал бы его где угодно.

Это был Орион.

3

Взъерошив перья

– Думал, ты не придёшь.

Хромая, повелитель Птиц подошёл к краю крыши и остановился в паре метров от него. Саймон смотрел на деда, застыв от страха. Все планы вылетели из головы, но одно он понимал точно: ещё немного, и кто-нибудь обязательно ворвётся на крышу в попытке его спасти.

– Ты сам сказал не опаздывать, – надломившимся голосом бросил он. – Чего тебе нужно?

Орион ответил не сразу – сначала оглядел горящий красками закат. Постепенно опускались сумерки, и небо приобрело глубокий тёмно-синий оттенок, но у Саймона не было сил на любованье. Он смотрел только на деда, готовый взлететь при первом признаке опасности.

– Не надо бояться, – терпеливо сказал Орион, всё ещё не сводя взгляда с неба. – Я ничего тебе не сделаю, Саймон.

– Ты так уже говорил, – ответил тот. – И тогда тоже соврал.

Орион глянул на него, и Саймон ощутил, что его оценивают.

– Разве я тронул хоть одно твоё пёрышко?

– Ну, твоя армия пыталась, – вызывающе бросил он. – В Аризоне ты меня запер. А в Калифорнии на меня напали твои акулы.

– Всё это – ошибки, с которыми я быстро и сурово разобрался, – пренебрежительно мотнул головой Орион. – Я просто хочу тебя защитить.

– Интересно ты это демонстрируешь, – сквозь зубы сказал Саймон, краем глаза заглядывая вниз. Перед входом в Небесную башню должен был стоять Малкольм, но его там не было. Стоило представить, как дядя несётся к ним вверх по лестнице, и Саймону стало плохо. – Говори, что тебе надо, или я уйду.

Потрёпанный орёл вздохнул, но всё же оторвал взгляд от заката.

– Хотел принести свои соболезнования. Слышал, Селеста похитила твоего брата. Сочувствую.

Саймону пришлось прикусить язык, лишь бы не сболтнуть, что Нолана не похищали – что он сам ушёл к Селесте, чтобы вместе с ней украсть у Ориона последние два Осколка.

– И почему тебя это волнует? – буркнул он. – Разве что Нолан нужен тебе живым, чтобы украсть его силы.

– Он мой внук, как и ты, – сказал Орион, ероша перья. – Ты так плохо обо мне думаешь, что считаешь, будто я не люблю вас обоих?

– Это ты тоже интересно демонстрируешь, – пробормотал Саймон и мотнул головой: – Вон на том месте умер дядя Дэррил, помнишь? Или ты забыл, что убил его?

– К... сожалению, выбора не было. Я лишь защищался от волчьей стаи. Это не значит, что ты мне безразличен, – сказал Орион, но Саймон перебил его, не давая продолжить:

– То есть, это не ты сбросил меня с крыши, когда я ещё не умел превращаться?

Орион нетерпеливо щёлкнул клювом.

– Саймон, Саймон. Можем всю ночь вспоминать былое, если хочешь. Можешь перечислить всё плохое, что я сделал тебе и твоей семье, и я за всё извинюсь. Но прошлого это не изменит и раны твои не залечит. Нам остаётся лишь смотреть в будущее – в будущее, которое мы можем построить вместе.

– И чего ты хочешь? Союза? – горько выплюнул Саймон. – Ты убил моего дядю. Убил папу. Похитил маму, а сейчас пытаешься убить брата, чтобы захватить все Царства анимоксов...

– Я уже сто раз повторял, я не хочу ничего захватывать, – сказал Орион. – Я просто хочу остановить Селесту.

Саймон фыркнул.

– Она, кстати, то же самое говорит о тебе. Если бы вы оба этого хотели, то отдали бы мне Осколки, чтобы я мог их уничтожить.

– Если Селеста захочет, в будущем можно рассмотреть такую сделку, – склонив голову, сказал Орион. Саймон чуть не поперхнулся, недоверчиво фыркнув. – Но, как бы то ни было, я пришёл не ради союза. Ты выбыл из игры, Саймон, мы оба это знаем.

– Правда? – язвительно поинтересовался Саймон. – А мне кажется, что ты ничего не знаешь.

– Я знаю, что Селеста украла у тебя Осколки, – сказал он. – И знаю, что уже несколько недель Малкольм запрещает тебе выходить из твоей ветхой квартирки. Я знаю, что каждое утро ты ходишь в зоопарк и надеешься на весточку от мамы – или от брата, если он вдруг сможет что-то передать. Ты выжидаешь, Саймон. Ты в тупике, и двигаться дальше некуда.

Саймон переступил с ноги на ногу, глядя на небо и стараясь не показывать, насколько Орион прав.

– Ты, видимо, тоже, раз решил со мной встретиться.

Саймон ожидал гнева, но Орион только усмехнулся.

– Ты всегда был сообразительным. Не удивлён, что Изабель послала тебя искать Осколки вместо себя. Если бы Селеста тебя не перехитрила, думаю, Сердце Хищника ты бы уже уничтожил.

– Если бы, – пробормотал Саймон, которому было настолько противно, что он не стал скрывать недовольства. – Ну так что? Тебе всё-таки нужен союз?

– Нет, – спокойно ответил Орион. – Мне нужен наследник.

Саймон резко выдохнул. Нужно было сразу догадаться о таком развитии событий. Ведь Орион не знал, что Саймон умеет превращаться в кого угодно – он думал, что Саймон был орлом, наследником Царства Птиц – вторым после матери, конечно. Но Саймон сомневался, что мама настроена помогать, а Орион не в первый раз предлагал Саймону к нему присоединиться.

– Зачем мне это? – наконец спросил он. – Я счастлив со своей семьёй. Жить с тобой у меня нет никакого желания.

– Ожидаемо, – неторопливо признал Орион. – Но я готов предложить то, ради чего ты так старался. Свободу твоей мамы.

Саймон застыл и медленно обернулся к деду:

– Что?

– Не делай вид, будто гонялся исключительно за Хищником, – сказал Орион. – Если бы я не похитил твою маму, ты бы не стал вмешиваться.

– Неправда, – напряжённо возразил Саймон. – Не все такие эгоисты, как ты.

– Возможно. А может, и нет. В любом случае, если согласишься вернуться со мной на Ястребиную гору и остаться там в качестве наследника, я с радостью выпущу твою маму. Она мне больше не нужна – я и так знаю, где оставшиеся Осколки.

Сердце Саймона колотилось так, что в груди болело.

– Ты... ты знаешь, где Селеста?

Орион склонил голову.

– Боюсь, этой информацией я могу поделиться лишь со своим ближним кругом. А поскольку тебя собственное Царство не интересует...

Время словно замерло, и неожиданно у Саймона закружилась голова. Он слишком заиклился на том, что именно Селеста с Ноланом найдут Ориона, и даже не думал, что дедушка может отыскать их первым.

– Ты мог бы просто сказать, знаешь или нет, – сказал он, надеясь, что Орион не заметит дрожь в голосе. – Не обязательно уточнять, где они.

– Мог бы, – медленно согласился тот. – Но, боюсь, даже такую подсказку я не готов дать человеку, который всё время пытался навредить собственной семье. – Он расправил крылья, будто собирался взлететь, однако остался на месте, просто вновь повернулся к закату. – Я пришёл по доброй воле, Саймон. Понадеялся, что ты присоединишься ко мне. Но если ты против...

– Я такого не говорил. – Слова вырвались до того, как Саймон успел их удержать. Он давно знал деда и понимал, насколько опасно будет вести такую игру – дать Ориону то, что он хочет, притвориться союзником. В конце концов, не просто так он пришёл с предложением. Просто Саймон не знал, в чём именно подвох.

Но соблазн был. Да и, признаться честно, других зацепок у Саймона давно не было. Если Орион действительно знал, где Селеста с Ноланом... если он готов сдержать слово и отпустить маму...

– Ну? – спросил Орион, глядя на него единственным целым глазом. – Ты согласен перейти на мою сторону, Саймон, и забыть о размолвках? Или ты планируешь всю жизнь прятаться в городе, не меняя мир к лучшему и не видя семью?

Саймон заморгал, вновь бросив взгляд вниз на улицу. Малкольм уже явно был неподалёку.

– Мне нужно... подумать, – пробормотал он. – Или ты хочешь, чтобы я ушёл и ни с кем не попрощался?

– Даже в мыслях не было, – сказал Орион, но по насмешливому наклону его головы стало понятно, что именно это он и планировал. – Я вернусь на Ястребиную гору на рассвете. Если решишь присоединиться – буду ждать у входа в Небесную башню.

– Ты полетишь? – спросил Саймон. Орион снова усмехнулся.

– В моём-то возрасте? Дорогой мой, боюсь, даже я не всемогущ. – Перья на его крыльях затрепетали, когда он встал у края крыши, готовясь взлететь. – Надеюсь, завтра увидимся, Саймон. Уверен, твоя мама будет рада вновь с тобой повидаться. А если решишь отказаться, что ж... – Он щёлкнул клювом. – Боюсь, больше вы не увидите.

И с этими словами он взмыл в воздух. Раскрыв рот, Саймон поражённо уставился ему вслед.

– В смысле? – крикнул он. – Что ты имеешь в виду?

Он уже расправил крылья, готовясь броситься за Орионом в погоню, но с ближайших зданий слетел десяток соколов и ястребов, окружая предводителя кольцом и направляясь в сторону парка. Саймон точно знал, что победил бы в бою с Орионом, но ни за что бы не справился с целой стаей. По крайней мере, высоко в небе.

Поэтому он, охваченный злостью и страхом, нырнул вниз – так быстро, что глаза защищало от слёз. Тротуар приближался с пугающей быстротой, а до ушей донёсся далёкий знакомый крик, но он взмыл вверх лишь на расстоянии пары сантиметров от головы Уинтер.

– Ты что творишь?! – разъярённо крикнула та. Пара прохожих обернулись на неё, но не остановились. Саймон приземлился на газетный киоск, тяжело дыша.

– Он хочет, чтобы я ушёл с ним, – задыхаясь, сказал он. – А если я откажусь, он... кажется, он убьёт маму.

Слова стиснули горло так, что говорить больше не получалось. Не выдержав поражённого взгляда Уинтер, он расправил крылья и вновь устремился в небеса, слепо направляясь куда-нибудь подальше отсюда.

4

Птичьи склоки

Чернильная беспросветная тьма, опустившаяся на небо после захода солнца, застала Саймона устроившимся на верхушке Крысиной скалы, в том же месте, где в сентябре он впервые узнал про существовании ПРИЮТа.

При виде орла все мыши и крысы, копошащиеся у подножья, разбежались, оставив Саймона в относительном одиночестве. Перья у него под глазами промокли, но Саймон только и мог, что слепо смотреть на пустую дорогу перед собой и пытаться отогнать мысли, кружащиеся в голове бесконечной каруселью.

Если он не отправится на Ястребиную гору, Орион убьёт его маму. Он окончательно убедился, что именно об этом предупреждал дедушка. В конце концов, он сам сказал, что она больше ему не нужна – разве что в качестве приманки.

И что Орион сделает, когда Саймон окажется у него в руках? Попробует уговорить его остаться? Продолжит угрожать убийством мамы, чтобы Саймон не сбежал? Или забудет про уловки и запрет его в клетке?

Но он не мог отказаться. Ему не хотелось признавать это, но Орион был прав. С самого начала он влез во всё это, чтобы спасти маму. Конечно, Хищника нужно уничтожить, но подстёгивало Саймона только желание вернуть семью – по крайней мере, ту её часть, что ещё можно спасти. А для этого было, чтобы Хищника не стало.

Послышалось хлопанье крыльев, и в нескольких метрах от Саймона приземлился голубь. Сначала он даже не обратил на него внимания, но голубь перелетел поближе, и он понял, что это тот самый упитанный голубь с подоконника.

– Уходи. Нет у меня еды, – несчастно сказал он, пряча лицо.

– Я никуда не уйду, Саймон.

От удивления Саймон едва не свалился со скользкой скалы. Всё простодушное курлыканье пропало – послышалась очень знакомый низкий голос.

– Лео? – тупо спросил он. – Что вы тут делаете?

– То же, что делал последние несколько недель, – ответил голубь. – Проверяю, как у тебя дела.

Лео был его дедушкой по отцовской линии и тоже обладал силами Звериного короля. И хотя первая их встреча в декабре не задалась, очень много близких Саймону людей верили Лео, поэтому полностью отмахнуться от новообретённого родственника не получалось. Однако ситуации подобно нынешней делали только хуже.

– То есть вы столько времени за мной наблюдали и молчали? – резко спросил он, хотя понимал, что Лео просто пытался помочь. – Я думал, вы мне доверяете.

– Разумеется, доверяю, – сказал Лео. – Кажется, я давно это доказал, нет? Меня волнуют Орион и все остальные. – Помедлив, он приблизился. – Прости, Саймон. Нужно было сразу сказать, что это я. Я поступил нечестно, просто я боялся, что ты попытаешься от меня скрыться, если будешь знать, кто я, а... в общем, мы с Зией решили, что кому-нибудь стоит за тобой присмотреть.

– Зия знала? – Голос Саймон раздражённо дрогнул. Впрочем, ничего удивительного тут не было. Лео – отец Зии, и они мало что друг от друга скрывают. – Вы ведь должны были искать Селесту.

– Я и искал, – сказал Лео. – Везде, где только мог. Сегодня я собирался навестить в Звериное поселение в центральной части штата Мэн, но Зия рассказала, что у вас случилось, и раз уж Малкольм с друзьями не могли сопроводить тебя на крышу...

– Вы слышали, что сказал Орион?

– Да. И решил, что ты захочешь это обсудить.

Обсуждать Саймон ничего не хотел, но понимал, что никуда не денется. Он не мог всю ночь просидеть в Центральном парке – знал, что рано или поздно с кем-нибудь придётся поговорить. Лео для этого тоже подходил, как бы он на него ни злился.

– А смысл? – буркнул он. – Малкольм меня непустит.

– Помнится мне, не Малкольм нашёл три Осколка, – сказал Лео. Мягкость его голоса резко контрастировала с его хрипотцой. – Скажи мне: если ты решишь отказаться от предложения Ориона, что будешь делать? Какой у тебя план?

– Я... не знаю, – признал Саймон. – Подожду, пока кто-нибудь не найдёт Селесту с Ноланом, думаю. И если... когда мы их найдём... – Он замолчал, не зная, что сказать. – Нолан не вернётся. Селеста обвела его вокруг пальца, он больше не верит нам с Малкольмом. Я бы мог снова выкрасть Осколки, но... Но тогда их дружбе с Ноланом придёт конец. Однако выбора у Саймона не было, он это понимал. Судьба всех анимоксов важнее, чем их с братом взаимоотношения. Но если можно найти другой выход, Саймон готов попытаться.

Лео подошёл ближе. Наверное, они смотрелись забавно – молодой орёл и раскормленный голубь, – но в глубине души Саймон был рад возможности выговориться. Если кто-то и мог понять хоть часть того, через что проходил Саймон, так это Лео.

– А если мы не найдём Селесту с Ноланом? – тихо спросил он. – Если Орион доберётся до них первым?

Тогда всё пойдёт прахом. Саймон резко втянул в себя прохладный ночной воздух.

– И что мне делать?

– Ты и сам знаешь, – сказал Лео. – По какой-то причине Орион предоставил тебе очередную возможность и пытается вручить её на блюде с голубой каёмочкой. У него есть два Осколка, а без них Хищника не уничтожить. И скорее всего, он внимательно за ними следит, раз уж Селеста раздобыла оставшиеся. То есть...

– Они должны быть на Ястребиной горе. – В душе, впервые за последний месяц, зажёгся огонёк надежды, и Саймон повернулся к голубю. – Но он должен понимать, что я буду их искать.

– Скорее всего, он на это и рассчитывает, – сказал Лео. – Но у тебя есть преимущество, о котором он не подозревает, туз в рукаве. Если удастся сохранить его в тайне, то, чтобы он ни подготовил, ты сможешь его перехитрить.

Саймон щёлкнул клювом, жалея, что не может прикусить губу. Идти напрямик в логово Ориона, не зная, что именно там поджидает, было рискованно. Но разве он хоть раз был полностью готов? За каждым новым Осколком Хищника приходилось идти вслепую, без малейшего представления, где тот может быть спрятан. В этот раз всё будет точно так же, только врага он знал заранее. И знал, на что этот враг способен.

– А если мы ошибаемся? – через какое-то время спросил Саймон. – Вдруг Орион всё знает, а я ему нужен, потому что Нолана ему не получить?

Лео ответил не сразу. Хор сверчков затянул свою весёлую вечернюю песню.

– Тогда придётся сражаться, – наконец сказал он. – Изю всех сил. И не забывай: ты не один. Раз уж Звериный король смог захватить весь мир анимоксов, ты точно справишься с Орионом.

Саймон сглотнул. Он не был в этом уверен. Ко всем животным обличьям приходилось привыкать, а инстинкты вместе с превращением не появлялись. И сколько бы ни было у него когтей и клыков, всё равно он оставался один на один с целой армией птиц.

– Тебе пора домой, – сказал Лео. – Все о тебе волнуются.

– Знаю, – тихо сказал он. – Но тогда придётся им рассказать. И они захотят пойти со мной.

– Пусть идут, – сказал Лео. – Твои способности – не единственное преимущество, Саймон. Я же сказал: ты не один. Никогда не был и никогда не будешь. Как бы решительно ни был настроен Орион, у тебя есть верные друзья, а у него – нет.

Саймон не знал, что на это ответить, поэтому, помолчав немного, расправил крылья.

– Вы ведь продолжите искать Селесту, да? – спросил он. – Если получится найти Осколки Ориона и добраться до Селесты раньше него, может, всё наконец-то закончится.

– Остаётся только надеяться. – Голуби не могли хмуриться, но настроение Лео ощущалось в его голосе. – Позаботься об Орионе, а Селесту с Ноланом оставь мне. И что бы ни случилось, Саймон... – Лео посмотрел ему прямо в глаза. – Не забывай, ради чего ты сражаешься.

Упитанный голубь проводил его до пожарной лестницы. Саймон коротко кивнул в темноту, а когда Лео улетел – запрыгнул в открытое окно и обернулся человеком. После нескольких часов в облике орла стоять на двух ногах было странно, но он порадовался возможности размять руки.

– Саймон! – Уинтер заглянула в комнату с полотенцем, намотанным на тёмные волосы. – Наконец-то. Он вернулся! – крикнула она через плечо. – В спальне! – Повернувшись к нему, она добавила: – А ты вовремя. Зие пришлось прятать телефон, чтобы Малкольм не позвонил в полицию.

– И что бы сделала полиция? Переловила бы всех животных в городе? – спросил Саймон, слыша, как грохочут по коридору тяжёлые шаги. Не успела Уинтер ответить, как в комнату ворвался Малкольм, прожигая его диким взглядом.

Саймон ожидал выговора, как утром, однако Малкольм просто стиснул его в объятиях. За мгновение до того, как дядя его отпустил, Саймон ощутил, как колотится его сердце, и тут же ему стало невероятно жаль, что он не пошёл домой сразу.

– Ты в порядке? – Малкольм схватил его за плечи, держа на расстоянии вытянутых рук, и осмотрел с ног до головы. – Орион тебя не тронул? Птицы не напали?

– Всё в порядке, – ответил Саймон, переминаясь с ноги на ногу. – Я просто устал.

Малкольм снова его обнял, сжимая так сильно, что Саймон испугался за свои рёбра. Из дверного проёма донеслось покашливание.

– Ты его раздавишь, – сказала Зия, и Малкольм неохотно выпустил Саймона из объятий. Тот, пользуясь возможностью дышать, выглянул из-за руки Малкольма. На входе в крохотную спальню стояли Зия, Ариана, Джем и Дев, и в комнате внезапно стало очень тесно.

– Может, перейдём в гостиную? – предложил он. – Нужно поговорить.

– Самые страшные слова на свете, – сказала Зия. – Ладно, пойдём. Сейчас я сделаю горячий шоколад, и Саймон нам всё расскажет. – И хотя голос её не дрогнул, по взгляду, задержавшемуся на Саймоне, было заметно: Лео успел её предупредить. И пока он полз с гостиную в сопровождении нависающего над ним Малкольма, Саймон понадеялся, что в заранее проигранной битве у него будет хотя бы союзник.

К тому времени, как Зия внесла в гостиную семь чашек горячего шоколада, он закончил рассказывать, что случилось на крыше Небесной башни. На лицах друзей читался чистейший ужас, а дядя совсем помрачнел.

– Если Орион знает, где мы, нужно переехать, – сказал он. – Как только он поймёт, что ты с ним не пойдёшь, он пошлёт свою армию, и...

– Но я пойду, – сказал Саймон со всей уверенностью, на которую хватило сил. Учитывая, что все уставились на него так, будто он отрастил вторую голову. Даже Феликс, согласившийся выключить любимый сериал, смотрел с возмущением.

– Но... Саймон, – поражённо сказал Джем. – Я слышал про Ястребиную гору. Те, кто туда попадает, больше не возвращаются.

– Это просто глупые легенды, которыми в Подводном Царстве пугают детей, – сказала Уинтер, сидящая на диване рядом с Саймоном. – Потому что Птицы питаются рыбой, всё такое.

Саймон посмотрел на неё.

– Ты была на Ястребиной горе, – понял он. – Точно была, раз росла с Орионом.

Уинтер пожала плечами:

– Разумеется. И что?

– То, что... Орион хранит там Осколки из Звериного и Птичьего Царств, – быстро сказал Саймон, пока никто его не перебил. – Ариана, у тебя на Ястребиной горе есть шпионы?

– Да, но немного, – насторожённо ответила та, не сводя взгляда с чашки. – Та же проблема, что и в Небесной башне. Птицы с насекомыми не уживаются. Предпочитают съедать пауков, а не давать им возможность сбежать.

– Но вы с Уинтер можете помочь выяснить, где Орион спрятал Осколки, – сказал Саймон, и огонёк надежды перерос с пламя. – Если мы их найдём...

– Нет, – одновременно сказали Малкольм и Дев. Они удивлённо переглянулись, и Дев продолжил первым: – Её Величество не пойдёт на Ястребиную гору. Я ей запрещаю.

– Я же просила не звать меня так, – сквозь зубы сказала Ариана. – И ты не можешь мне ничего запрещать.

– Зато могу рассказать всё куратору, – пригрозил Дев. – И тогда ты точно никуда не пойдёшь.

– Только попробуй, – шурясь, бросила она.

– Попробую.

Пока Ариана с Девом переругивались, Малкольм склонился к Саймону, обеими руками сжимая кружку с шоколадом.

– Я знаю, что ты задумал, – медленно произнёс он. – Но это слишком опасно. Даже для тебя.

– Другого шанса не будет, – жарко возразил Саймон. – Мы сидим и ничего не делаем. Просто прячемся, и меня это достало. А это – прорыв, которого мы ждали. Да, он не совсем такой, как хотелось бы, но если мы им не воспользуемся...

– Защищать тебя – моя работа, – сказал дядя; в голосе его звучали рычащие нотки.

– Ваша работа – защищать своё Царство, – возразил он так яростно, что в кружке плеснул шоколад. – А если Орион или Селеста соберут Хищника, то проблем будет больше, чем поход на Ястребиную гору.

Зия, стоящая в арочном дверном проёме, кашлянула.

– У меня вопрос, – сказала она. – Саймон, если мы всю ночь будем талдычить, что ты никуда не пойдёшь и что мы обязательно попытаемся тебя остановить, что ты сделаешь утром?

– Всё равно уйду, – сказал Саймон, расправляя плечи.

– Так и думала. – Она посмотрела на Малкольма. – Можем потратить пару драгоценных часов на бессмысленные споры, но если Саймон решил уйти, то мы его не переубедим. Поэтому можем подумать, как обратить ситуацию в нашу пользу.

– Действительно, – сказал Джем, задумчиво хмурясь. – Если понадобится, Саймон может сбежать от Ориона. Но Орион дал ему пропуск в свой ближний круг, и упустить такую возможность – безумие.

– А я, так и быть, помогу, – сказала Ариана – правда, после долгого взгляда от Джема. – На всякий случай проконтролирую, чтобы на Ястребиной горе были мои агенты.

– Но сама ты не пойдёшь, – твёрдо сказал Дев, и она вздохнула.

– Ладно. Но буду держаться поблизости, – добавила она. – Вместе с остальными.

Саймон устало улыбнулся, не в силах выразить словами, насколько он благодарен за поддержку. Но потом перевёл взгляд на Уинтер, которая упорно смотрела на свои аккуратные ногти.

– Я понимаю, ты не хочешь возвращаться, – тихо сказал он, – но мне очень нужна помощь. Она стиснула зубы.

– Ты ведь понимаешь, что они меня не примут, – пробормотала она едва слышно. – Знают же, что я... – По её лицу скользнуло отвращение. С её первого превращения прошёл уже почти год, но она всё равно не свылась со своей природой. И Саймон понимал, что своей просьбой может окончательно уничтожить весь прогресс.

– Если Орион хочет, чтобы я пошёл с ним, то у них не будет выбора, – сказал он. – Никто не посмеет тебе грубить, я об этом позабочусь. И... – Он помедлил. При одной только мысли о следующих словах просыпалась совесть. Но если Уинтер с ним не пойдёт, он снова будет пробираться на ощупь, а времени на это больше нет. – Рован тоже там будет, наверное. Вы снова увидите.

Она бросила на него резкий взгляд – в больших светло-зелёных глазах стояли пока не пролитые слёзы. Рован, сын самого близкого советника Ориона, был Уинтер как старший брат, и Саймон знал, как сильно она по нему скучает. Использовать Рована против неё было ужасно, но Саймон не нашёл другого выхода. Она была ему нужна. И он не соврал.

– Ладно, – наконец, практически неслышно шепнула она. – Я с тобой.

– Спасибо, – сказал он. А когда она встала и молча вернулась в спальню, он с усилием сглотнул, чувствуя себя так, словно совершил ужасный поступок.

Оставалось убедить только Малкольма. На его лице читалось что-то между недовольством и смирением, и хотя Саймон хотел продолжить спор, он понимал, что это не поможет. Поэтому просто ждал, и целую вечность спустя Малкольм выругался и дёрнул себя за волосы.

– Если с тобой что-то случится, я никогда себя не прощу, – сказал он. – Надеюсь, ты это понимаешь.

– Понимаю, – просто ответил Саймон. – Всё будет хорошо.

Малкольм заворчал.

– Не давай обещаний, которые не сможешь сдержать.

Закончив на этом, они приступили к планированию, и когда раннее утро постепенно уступило место рассвету, а на небе проступила тёмная лазурь, Саймон почувствовал, что наконец-то ступил на путь, ведущий к окончанию изматывающей борьбы. Но при взгляде на доро-

гих ему людей, готовых пойти на всё ради уничтожения Хищника и спасения мамы, в голову всё равно закралась мысль: все ли они смогут встретить рассвет в конце пути?

5

Когда летит ворон

В ту ночь никто не уснул. Однако, прощаясь с друзьями в тесной прихожей, Саймон не сомневался в придуманном ими плане. Они не знали, что ждёт их на Ястребиной горе, поэтому подготовка их не была всеохватывающей, но она была. И они наконец-то могли продвинуться вперёд.

– Мы будем всего в нескольких километрах от вас, – сказал Зия, коротко приобняв его за плечи. – Если понадобится – сразу бегите.

– Всё будет хорошо, – сказал он и вытащил из кармана Феликса, игнорируя писклявые возражения. – Только проследите, чтобы Феликс не натворил глупостей.

– Глупостей? – Феликс потёр лапками заспанные глаза. – Ты идёшь в лапы Птиц, будто бессмертный, а глупости творю я?

– Ты мышонок, – просто ответил Саймон. – Птицы едят мышей.

– Змеи тоже, но в тот раз ты взял меня с собой, – буркнул Феликс, упрямо скрещивая передние лапки.

– Я не взял тебя с собой. Ты спрятался у меня в рюкзаке и не оставил мне выбора. – Саймон, не церемонясь, усадил мышонка в протянутые руки Зии. – Прости, но тут тебе будет безопаснее. У меня и так много забот, не хватало ещё волноваться, не съел ли тебя кто.

Проворчав нечто недовольное, Феликс запрыгнул на стоящий неподалёку книжный шкаф и скрылся за толстыми книгами. Саймону стало стыдно, но что ему оставалось? Орион бы не пощадил Феликса, а он не мог снова рисковать его жизнью.

– Не волнуйся, – сказала Зия. – Я о нём позабочусь.

Саймон кивнул, закусив щёку изнутри, а потом повернулся к Джиму:

– Генерал точно не против выделить тебе войска?

– У нас есть подразделения в Атлантическом океане, – пожал плечами Джем. – И как минимум по отряду во всех крупных водоёмах Соединённых Штатов. В озере Мичиган – вообще целый батальон.

– Ну, то есть свободных рук у вас достаточно, – сказал Дев, чьи тёмные волосы падали ему на лицо. – Хорошо. Надо запомнить не связываться с Подводным Царством.

– Подозреваю, ты и так об этом знал, – сказала Ариана, обнимая Саймона. Её тонкие руки были сильнее, чем казались; случайно вдохнув запах её волос, Саймон ощутил, как запылали щёки. – Я тоже соберу агентов. Если Орион что-нибудь выкинет – устрою Ястребиной горе такое нашествие Насекомых, что они забудут про Селесту и побегут вычёсывать из волос букашек.

– Спасибо, – пробормотал он. Ариана отпустила его, и он понадеялся, что у него не слишком красные щёки. – Они пригодятся, если что-то пойдёт не так.

– Всё пройдёт как надо, – твёрдо сказал Малкольм, провожая Уинтер с Саймоном до двери. В его слова хотелось поверить, но не получалось, потому что всегда что-нибудь обязательно шло не так.

Ранним утром улицы Нью-Йорка пустовали, что немного нервировало. Когда небо начало светлеть, Саймон прислонил голову к окну такси, пытаясь не думать о ситуации, в которой он оказался. Узнай мама, как он рискует, – пришла бы в ярость, но он вновь напомнил себе, что выбора не было.

Большую часть пути все молчали, но на подъезде к Небесной башне Саймон повернулся к Малкольму.

– Вам с нами нельзя, – сказал он, наконец озвучивая мысль, которая мучила его со вчерашнего вечера. – Знаю, вы хотите...

– Саймон, – сказал тот тихо. – Я понимаю, о чём ты думаешь. Понимаю, что тебя волнует. Но я не Дэррил и не Люк. Со мной ничего не случится.

– Вы этого не знаете, – пробормотал Саймон. То, что дядя так легко угадал ход его мыслей, выбило из колеи. Орион убил обоих братьев Малкольма, и Саймон боялся, что он с такой же лёгкостью убьёт его самого, как только тот окажется на Птичьей территории. – Я-то смогу сбежать, а вот вы с Уинтер...

– Мы справимся, – сказала Уинтер, сидящая с другой стороны. Несмотря на недавнее нежелание возвращаться, сейчас она лучилась уверенностью. – Если что-то пойдёт не так, я его выведу.

– Видишь? Я в надёжных руках, – сказал Малкольм со слабой улыбкой. Но Саймон знал, что она не искренняя, и как бы ни пытался мыслить оптимистично, его снедало нехорошее предчувствие. Всё, что случится, будет на его совести.

Когда такси остановилось у входа в Небесную башню, поблизости никого не оказалось. Он выбрался из машины, паникуя, и заглянул через стеклянные двери в тёмный вестибюль. Там тоже было пусто. Неужели он попался в ловушку? Или Орион передумал?

За спиной кашлянули.

– Вижу, ты не один, Саймон.

Он резко обернулся. Орион сидел на заднем сиденье дорогого автомобиля и оглядывал их из-за полуопущенного затонированного окна. Выдохнув, Саймон оглянулся на дядю и Уинтер, стоящих неподалёку. Уинтер скрестила руки на груди и упорно смотрела куда-то вбок, а лицо Малкольма будто окаменело.

– Если ты хочешь, чтобы я поехал с тобой, то придётся взять и их тоже, – сказал Саймон. – Не в плен и не в заложники, а принять, как гостей.

– Ясно, – произнёс Орион медленно. – И долго они будут гостить?

– Пока Саймон не решит, что справится без нас, – с угрозой сказал Малкольм.

– А если ты против... – Саймон глубоко вдохнул. – Тогда я не поеду на Ястребиную гору. И вообще никуда не поеду.

Саймон не знал, какой реакции ожидал. Может, думал, что Орион натравит на него Птичью армию и силой затащит в машину или что уедет без него. Чего он точно не ждал – так это ухмылки, разведённых рук и пожатия плечами.

– Ну, ладно. Боюсь, придётся потесниться, но, раз уж вы так настаиваете, видимо, выбора у меня нет.

Саймон не поверил ни единому его слову. Но когда водитель вышел из машины и открыл им дверь, ноги сами пошли вперёд, будто ими кто-то управлял.

– Ещё есть время сбежать, – пробормотала идущая рядом Уинтер. Саймон мотнул головой. Все понимали, что рано или поздно придётся думать, как раздобыть Осколки Ориона, но он даже не представлял, что сам пойдёт навстречу ловушкам, расставленным дедом. И что затащит в них дядю.

Малкольм сел вперёд, поэтому места всем хватило. Машина миновала город и въехала в тоннель Линкольна, но никто так и не заговорил. Когда они оставили позади Нью-Джерси, солнце уже взошло над горизонтом.

По Пенсильвании они ехали всего два с половиной часа, но никогда ещё Саймону не было так неуютно в поездке. Малкольм то и дело оборачивался и сверлил Ориона взглядом, а Уинтер делала вид, будто Птичьего повелителя в машине вообще нет, поэтому атмосфера была невыносимая, и когда многолюдный пригород уступил место относительной глуши, неловкая тишина, в свою очередь, уступила место попыткам Ориона вести беседу.

– Думаю, тебе понравится на Ястребиной горе, – сказал он, обращаясь исключительно к Саймону. – Тебе будет где расправить крылья, в отличие от Манхэттена. Там, стоит подуть ветру – и рискуешь врезаться в здание.

Ради приличия Саймон разжал зубы.

– Мне нравится в городе.

– Мне тоже, мой мальчик, – сказал Орион так, будто просто пытался его задобрить. – Но нет ничего лучше нашего убежища. На всём белом свете. Его построил твой прапрапрадед, – добавил он. – Почти сотню лет назад. Выкупил землю, когда браконьеры почти полностью уничтожили популяцию ястребов и соколов. Ястребиная гора – рай для нашего Царства.

– А что насчёт других Царств? – спросил Саймон и, не удержавшись, бросил взгляд на Уинтер. Та смотрела в книгу, но страницу не переворачивала уже минут десять. – Им туда можно?

– Разумеется, – сказал Орион. – Мы рады гостям, но, разумеется, приходится предпринимать меры предосторожности. Ничего сверхъестественного, – добавил он, заметив, как сощурился Саймон. – Поверь, мы будем обращаться с Альфой и Уинтер, как с королевскими персонами.

В его обещания Саймон давно уже не верил.

– А простые люди? – спросил он. – Они на Ястребиной горе живут?

– Ястребиная гора, в отличие от территорий других Царств, не пересекается с человеческим миром, и мы тщательно скрываемся от туристов, подходящих к нашим границам, – ответил Орион. – Как всем здесь известно, одно из трёх правил анмокс – не дать людям узнать о нашем существовании. Вы ведь знаете остальные, так?

– Уважать природу и природный порядок вещей, а второе – не охотиться на других анмокс, – раздражённо бросил Саймон, напряжённо откинувшись на бежевое кожаное сиденье.

– Очень хорошо, – сказал Орион, – особенно для того, кто не рос в нашем обществе.

– Я почти год проучился в ПРИЮТе. Я не идиот.

– Разумеется, но в твоём образовании есть пробелы, учитывая, сколько ты... путешествовал, – сказал дедушка. – К тому же, не сказать, чтобы ПРИЮТ давал разносторонние зна-

ния. Я вообще не понимаю, почему он до сих пор существует. Единственное, что он делает – лишает лучших анимоксов мира пяти лет обучения в собственных Царствах. И зачем? Ради дипломатии? – Сокрушаясь, Орион покачал головой. – Сколько бы лучшие умы ни учились вместе, Царства всё равно продолжают воевать.

– Ты хотел сказать – наши лучшие умы, – произнёс Малкольм с переднего сиденья. – Если я не ошибаюсь – а я не ошибаюсь, – именно из-за тебя Птицам запретили посещать школу.

– Я бы в любом случае запретил им учиться в школе, которую звери отобрали у моего Царства, – фыркнул Орион, и его притворная доброжелательность мигом испарилась. – Вы ничего не знаете про образование. Да и откуда? Ваш народ едва ли уделяет ему внимание.

– А ваши едва ли уделяют внимание дипломатии, – парировал Малкольм, в голосе которого отчётливо читалось недовольство.

Взгляд Ориона стал ледяным, но стоило ему открыть рот, чтобы возразить, как в разговор влез Саймон.

– Когда ты отпустишь маму?

Птичий повелитель выпрямился и с явным трудом оторвал мрачный взгляд от Малкольма.

– Как только мы вас заселим, – ответил он. – Хотя, подозреваю, она захочет остаться и проследить за твоим обучением.

Саймона не волновало, захочет ли она остаться. Как только её освободят, можно будет привести план в исполнение.

– Обучением? – переспросил он, стараясь не проявлять любопытства относительно условий освобождения его матери.

– Ты будешь заниматься с репетиторами, пока не нагонишь остальных, – сказал Орион. – Хотя двенадцать упущенных лет – трудная задача даже для самых сильных специалистов.

– Я ходил в школу с детского сада, – хмурясь, ответил Саймон. – Я много чего знаю.

– И всё же тебе ничего неизвестно о Царстве, во главе которого ты когда-нибудь станешь, – сказал Орион. – Правителю не нужно разбираться в математике и химии. Наше образование – то, которое получил я в детстве, и то, которым с завтрашнего дня займёшься ты – делает упор на лидерских качествах, справедливости и, главное, законе. Это три столпа, на которые опирается любой хороший правитель. Вы согласны, Альфа?

– Ты упустил пару столпов, – пробормотал Малкольм. – Храбрость, самоотверженность и сострадание для начала.

– Если правитель руководствуется первыми столпами, остальные ему не нужны, – сказал Орион. – Может, поэтому в вашей стае и Царстве такой кавардак.

– В моём царстве? Посмотри на своё, старик. Посмотри, что с ним стало, пока ты бегал и пытался уничтожить мир.

Пока Малкольм говорил, Саймон заметил за окном нечто странное. На горизонте собирались Птицы. Сначала их было совсем немного, но число увеличивалось с пугающей скоростью, и вскоре машину будто окружило облако ястребов, соколов и ворон. Саймон заметил даже стайки гусей и уток, и когда рой стал таким плотным, что перекрыл солнечный свет, ругань в машине затихла.

– Что это? – спросил он истончившимся от страха голосом. – Что происходит?

Он едва смог выдавить из себя вопросы, а через мгновение тишину сотряс пронзительный крик – казалось, будто все Птицы до единой раскрыли клювы в вопле. Малкольм, выругавшись, прикрыл уши, и даже Уинтер поморщилась.

Однако Орион, сидящий рядом с Саймоном, усмехнулся.

– Они приветствуют своего новообретённого принца, – сказал он и широко раскинул руки. – Добро пожаловать домой, Саймон. Добро пожаловать на Ястребиную гору.

6

Ястребиная гора

Машина, рокоча, остановилась на склоне горы, и как только водитель заглушил мотор, деревья, окружающие грязную полянку, заполнили бесчисленные Птицы. Саймон осторожно приоткрыл дверь и ощутил на себе абсолютно все взгляды.

– Это Ястребиная гора? – удивлённо спросил он. Вокруг, куда не посмотри, тянулись деревья, а никаких деревенок и городков не было видно.

– Терпение, мой мальчик, – сказал Орион, которому водитель помогал выйти из машины. – Это вход для посетителей. Уинтер, дорогая, ты же помнишь дорогу?

Он впервые обратился к Уинтер по имени, тем более напрямую, и она дёрнулась так, что едва не выронила сумочку.

– Разумеется, – огрызнулась она и без лишних слов направилась к деревьям.

– Саймон, ты идёшь? – спросил Малкольм, стоящий между ними. Саймон шагнул к нему, но Орион положил ему на плечо крепкую руку. От жеста не веяло добротой; он будто заявлял на Саймона своё право.

– Я устрою внуку экскурсию, – подчёркнуто сказал Орион. – По небу.

Саймон вырвался из его хватки.

– Потом проведёшь, когда буду знать, где их поселят.

– Боюсь, это не предложение, Саймон, – сказал он с лёгким предостережением в голосе. – Мой внук не должен пользоваться гостевым входом, как простой...

– Простой кто? – перебил Саймон, скрещивая на груди руки. – Простой волк? Простая змея? – Он мотнул головой, не скрывая ненависти и отвращения. – Ты хотел взять меня с собой, и я пришёл. Но я тебе не доверяю, и я не брошу свою семью, чтобы ты выставил меня напоказ, как какой-то трофей.

Он пошёл к Малкольму с Уинтер, оставляя Ориона среди грязной прогалины. Птицы на деревьях беспокойно зачирикали, а их повелитель опасно сузил единственный глаз.

– Что ж, ладно, – сказал он, горделиво фыркнув. – Поскольку пойти я с тобой не смогу, увидимся в обеденном зале. После этого я представлю тебя девяти благородным семьям нашего Царства, а потом, может, останется время и на экскурсию. Если ты мне доверишься, конечно.

Орион кивнул водителю – и обернулся орлом с лёгкостью пловца, ныряющего в море. На мгновение его здоровый глаз остановился на Саймоне, и хотя дедушка ничего не сказал, Саймон ощутил его леденящую ярость.

Подобно урагану из перьев Орион взмыл в небеса, оставляя Саймона наедине с Малкольмом и Уинтер. Ну, относительно наедине, учитывая сотни птиц, наблюдающих за каждым их шагом. Содрогнувшись, Саймон поспешил нагнать спутников.

– Девять благородных семей? – спросил он негромко. – Это ещё кто?

Уинтер закатила глаза.

– Иногда я забываю, какой ты необразованный. Девять благородных семей – придворные Ориона. Они в основном сплетничают и собачатся между собой, надеясь заполучить внимание и поддержку, но могут приносить неприятности. Два года назад семья Лонан попыталась захватить трон, когда Орион заболел гриппом. И не казнили их за предательство только потому, что они сдали своего главу. Утверждали, что это он их заставил, а все остальные верны Ориону. – Она покачала головой, кривя губы в отвращении. – Кучка подлиз, вот они кто. Небось, бросятся тебе в ноги, как только Орион скажет, что ты его наследник.

– Чудесно, – пробормотал Саймон. Чего ему не хватало – так это кучки заискивающих подхалимов, следящих за каждым его шагом. – Как придём – нарисуешь мне карту.

– Только попробуй искать Осколки без меня, – сказал Уинтер, едва шевеля губами.

– Я и не собирался. Просто нужно знать, где они, чтобы... всё спланировать.

Их накрыла тень Малкольма, и тот кашлянул.

– Уинтер, если тебе есть что рассказать о Царстве Птиц, то сейчас самое время.

Она трагично вздохнула, будто от Саймона с Малкольмом можно было ждать одних лишь неприятностей.

– Все будут пытаться вас перехитрить. Для птиц это своего рода игра – всё время доказывать, что они правы. И если вы хотите втереться кому-то в доверие – поддавайтесь. Только незаметно, – добавила она. – Если сделаете вид, будто они могут вас чему-то поучить, то они постоянно будут виться поблизости.

– Значит, нужно прикинуться дурачком. Понятно, – сказал Саймон, хмурясь только сильнее.

– Нет. Не нужно. Нужно сделать вид, будто чему-то учишься, – сказала Уинтер. – А вы... – Она остановилась и повернулась к Малкольму. – Не давайте им повода взять вас под арест.

– Под арест? Меня? – Малкольм прищурился. – Пусть попробуют, и здесь тут же окажется всё Царство Зверей.

– И сколько анимоксов умрёт, потому что вы не способны сдержать свой норов? – горячо спросила она. – Орион вас ненавидит. Дайте ему повод – и он запихнёт вас в курятник.

– В курятник? – иронично фыркнул Малкольм. – Удачи ему. Я не курица.

– Нет, но осторожность не помешает, – не выдержала она. – Если не ради себя, то ради Саймона.

Малкольм выдохнул.

– Ладно, – проворчал он. – Долго нам ещё идти? Неудивительно, что Орион не прислал сопровождение.

– У вас есть я. И мы пришли, – сказала Уинтер. – Посмотрите наверх.

Саймон покорно поднял голову. Сначала он увидел только густую ярко-зелёную листву, закрывающую солнце, но быстро заметил что-то странное.

– Почему подвесной мост так высоко? – спросил он. Уинтер усмехнулась.

– Это не просто подвесной мост. Пойдёмте.

Она взошла за массивный дуб, но Саймон ещё немного посмотрел вверх, щурясь и пытаясь найти среди ветвей ещё что-нибудь необычное. Но листва перекрывала обзор, поэтому он неохотно поплёлся следом.

– Я думал, Птицы полетят за нами, но их нигде нет, – сказал он, огибая дерево. – Куда они...

Он застыл. Уинтер пропала. Хмурясь, он вновь обошёл крупный ствол, но ни её, ни змеи не было видно.

– Уинтер, это не смешно, – сказал он. – Ты где?

– Саймон. – Побледневший дядя стоял в паре метров от него. – Она здесь.

– Где? – снова спросил он. – Я не...

Бамс.

Что-то маленькое и твёрдое ударило его по голове. Жёлудь. Саймон, не ожидавший этого, пригнулся и едва увернулся от второго жёлудя.

– Что...

Третий ударил его в плечо, и он резко раздражённо обернулся.

– Уинтер, хватит баловаться...

Где-то над головой раздался негромкий смех, и Саймон наконец поднял голову. Уинтер сидела на ветке в нескольких метрах над землёй, развалившись на ней так, будто забиралась на это дерево ежедневно.

– Долго ты. Ты ведь понимаешь, что в этом Царстве все летают, да?

– Я... – Саймон нахмурил брови. – Могла бы предупредить.

– И пропустить представление? Ни за что. А теперь забирайтесь, пока мне не надоело вас ждать.

Саймон ещё раз обошёл дерево и только тогда заметил в стволе опоры для рук. В метре над головой к коре крепилась лесенка, но её ступени были слишком высоко для Саймона.

Он обернулся к дяде, белому, как бумага:

– Я взлечу. Вы дотянетесь?

Малкольм тяжело сглотнул.

– Кажется, она меня не выдержит.

– Выдержит, – сказала Уинтер, бросая очередной жёлудь, приземлившийся в сантиметре от ног Саймона. – Хватит трусить, залезайте уже.

Скривившись, Малкольм потянулся к опорам.

– Иди. Я разберусь, – сказал он, перехватывая руки поудобнее, но лицо его уже поблёскивало от пота.

– Должен быть другой способ подняться, – сказал Саймон, оглядывая лес так, будто в нём мог внезапно появиться лифт. – Какие-нибудь... верёвки.

– Саймон, хватит. Я только больше нервничаю. – Малкольм вытер лоб тыльной стороной ладони. – Не отвлекай.

– Вы справитесь, – подбодрила Уинтер, и Малкольм, тихо выругавшись, полез вверх.

Саймон нервно наблюдал за дядей с земли. Очень быстро у Малкольма задрожали руки, и когда тот потянулся к очередной ступени, он закусил губу, готовясь умолять его спуститься. Но Малкольм не сдавался и ступень за ступенью исчез за кроной. Саймон немного подождал, прислушиваясь, не понадобится ли дяде помощь, а потом прикрыл глаза и обернулся орлом.

– Дядя Малкольм? – окликнул он, хлопая крыльями и взлетая над веткой, где удобно расположилась Уинтер. – Вы где...

Он преодолел листву, и неожиданно мир словно изменился прямо перед глазами. Среди бесконечного моря зелени прятался целый город, простирающийся до самого горизонта. Но дома его не были похожи на косые домики на деревьях, про которые ему рассказывали в дет-

стве; нет, все они были прочными, как самые обычные дома, – с дверями, крышами и даже яркими цветами, растущими на подоконниках. Платформы, закреплённые на массивных стволах деревьев, между собой соединялись подвесными мостами. А птицы...

Птицы занимали все ветви. Сойки, малиновки, воробьи, зяблики, – а краем глаза Саймон заметил даже соколов с ястребами, внимательно за ним наблюдающих.

– Ах, наконец-то! – По подвесному мосту к Саймону бежала девушка лет шестнадцати. В её длинных светлых волосах виднелись вплетённые перья, а одета она была в длинные голубые одежды, края которых трепетали на ветру, – Саймон в жизни не видел подобных нарядов. – Ваше высочество, приятно познакомиться. Я Порша Гейл, я провожу вас со спутниками ко дворцу.

– Я тебе не гость, – сказала Уинтер, поднимаясь на соседнюю платформу. Малкольм, подрагивая, стоял рядом с ней, согнувшись и изо всех сил вцепившись в ступень лесенки. – Я здесь дольше жила, чем ты.

Порша оглядела Уинтер с ног до головы; Саймону показалось, что в глазах её мелькнула неприязнь, однако на губах тут же засияла улыбка.

– Уинтер! Как я рада тебя видеть. Мы с сёстрами очень скучали.

– Так скучали, что даже написать не могли? – Уинтер скрестила руки на груди и проглотила светловолосую девушку взглядом. – Так и чувствую вашу любовь.

Саймон, оставшийся в облике орла, кашлянул.

– У вас и дворец есть? – спросил он. – Я думал, что на Ястребиной горе просто... деревня какая-нибудь.

– На горе и вокруг неё выстроена целая сеть деревень, ваше высочество, – сказала Порша, отворачиваясь от Уинтер и глядя на него. – Некоторые стоят на деревьях, как эта, но семьи с маленькими детьми обычно живут в предгорье, на земле.

– А. Точно. И, эм... Я Саймон, – добавил он. – Просто Саймон.

– Боюсь, я серьёзно нарушу правила, если буду вас так называть, ваше высочество, – сказала Порша, изящно склонив голову. – Поверьте, вы привыкнете к титулу, а рано или поздно он вам даже понравится. Прошу, следуйте за мной.

Он неуверенно глянул на дядю, который уже слегка позеленел.

– Тут же безопасно, да? – спросил Саймон, прыгивая на платформу и обращаясь человеком. – Мы не упадём?

– Разумеется, нет, – ответила она, глядя на него. На её щеках появились ямочки. – Повелитель птиц не стал бы подвергать подданных опасности, не беспокойтесь, ваше высочество.

Если что и могло заставить его беспокоиться, так эти слова. Но дядя ободряюще ему кивнул, поэтому он с явной неохотой пошёл за Поршей – девушка вернулась на мост, по которому шагала с уверенностью, которую Саймон испытывал только на земле.

Мимо них потянулись бесчисленные платформы и дома на деревьях – среди них были такие большие, что Саймон бы заблудился внутри, – и он заметил, что Порша подстраивалась под его скорость, а не под Уинтер и Малкольма. Поэтому, когда дядя шаг за шагом преодолевал подвесной мост, подозрительно натянувшийся под его весом, Саймон замедлился, делая вид, что от высоты его тоже ведёт. Без крыльев это было легко. Раньше у него никогда настолько сильно не кружилась голова – а сейчас, стоило взглянуть вниз, и хватка на верёвках усиливалась.

В лабиринте мостов и лестниц они были не одни. Поначалу он выхватывал лица в окнах только мельком, но чем дальше они шли, тем больше анимоксов она замечал на Ястребиной горе, и вскоре народу стало так много, что пришлось протискиваться между мужчинами и женщинами, одетыми в такие же яркие одежды, как носила Порша. У неё они были голубыми, но в основном встречались золотисто-жёлтые, а также оранжевые и изумрудные.

– Ваши одеяния несут в себе какой-то смысл? – спросил Саймон, взбираясь по очередной лестнице. Чем выше на гору они поднимались, тем массивнее и выше становились деревья. Видимо, их не трогали столетиями, и только поэтому они выдерживали такой вес. – Ну, цвета одежды.

– Они указывают на положение в обществе, ваше высочество, – сказала Порша, и на щеках её вновь показались ямочки. – Поскольку вы – представитель королевской семьи, вам выдадут тёмно-синюю мантию. Я – член одной из девяти благородных семей, поэтому я ношу небесно-голубой. – Она гордо указала на свой наряд. – Те, кто служит в армии, носят зелёный, а простолюдины – золотой. Ваши товарищи, как представители чужих Царств, будут вынуждены переодеться в оранжевый.

– В оранжевый? – взорвалась Уинтер, шагавшая за Саймоном. – Я не стану так унижаться...

– Но ты ведь из Царства Рептилий, или я ошибаюсь? – коротко спросила Порша. – Потому что если в документах какая-то ошибка, нужно срочно оповестить совет...

– Да, я не превращаюсь в птицу, зато я здесь родилась и выросла, – прорычала Уинтер. – В отличие от тебя.

Саймон остановился посреди моста и слегка попятился. Он редко видел Уинтер в таком бешенстве, но Порша даже не моргнула.

– Кажется, на тебе сказывается время, проведённое Царстве Зверей, – ровным голосом сказала она. – Возможно, пока ты живёшь здесь, стоит посещать уроки этикета. Как тебе известно, у нас есть специалисты, занимающиеся поведением гибридов.

«Гибридов». Это слово не было оскорблением – в отличие от «шавки», – но по тону Порши было ясно, что именно она подразумевала, и Уинтер раскрыла рот.

– Как ты смеешь, – произнесла она остро, будто резанула ножом. – Как ты смеешь, ты, ты...

Уинтер запнулась, видимо, подбирая оскорбление поядовитей, но Саймон не собирался это терпеть и повернулся к Порше.

– Мои родители тоже из разных Царств, – холодно сказал он. – И до сентября я вообще не знал про существование анимоксов. Может, мне тоже стоит сходить к специалисту по поведению гибридов, м?

На мгновение глаза Порши расширились, но она тут же скрыла удивление.

– Если того желает его высочество, – спокойно сказала она. – Жители Ястребиной горы стремятся получать новые знания из любых источников. Не сомневаюсь, приспособливаться к нашему миру тяжело, и я готова с радостью посоветовать вам парочку курсов. Для вашей адаптации, разумеется.

– А есть курсы, где учат сопереживанию? – спросил Саймон. – Доброте? Правилам приличия?

– Я... – Порша глубоко вздохнула и выдавила очередную улыбку. В этот раз ямочек не было. – Уверена, мы подберём вам что-нибудь по вкусу, ваше высочество. Пройдёмте?

Они поднялись на третий ярус, где народу оказалось значительно меньше. Здесь дороги, выющиеся между домов, практически пустовали – не было никого, за исключением нескольких людей в голубых и зелёных одеждах, и Саймон нахмурился. Почему-то на этом ярусе всё казалось грандиознее, больше, прибавилось украшений, а над остальными зданиями чуть возвышались дома размером с особняки, крепкие мосты между которыми были построены прямо из ветвей деревьев.

– Добро пожаловать во дворец, – гордо сказала Порша, – и ваш новый дом, ваше высочество.

Стражник в зелёном поприветствовал их кивком, когда они взошли на крепкий мост, и Саймон нервно оглядел возвышающийся впереди дом.

– Это дворец? – спросил он недоверчиво. Здание больше походило на очень, очень дорогой домик на дереве, и он бы не удивился, окажись на двери табличка с надписью «НЕ ВХОДИТЬ».

Порша кивнула.

– Фасад спроектирован так, чтобы сливаться с окружающей природой, однако интерьер придётся вам по вкусу.

– По вкусу? – переспросил Саймон удивлённо.

– Кто-то явно не жил на Манхэттене, – пробормотала Уинтер. Из-за её спины раздалось рычание Малкольма, тихое настолько, что Саймон расслышал лишь рокот его предостережения.

А потом услышал ещё кое-что – чей-то голос, красивый и мелодичный, едва слышный, но такой знакомый, и он всколыхнул в памяти что-то старое, выденное прошедшими годами.

– Что это? – спросил он, останавливаясь посреди платформы и прислушиваясь.

– Вы о чём? – слишком уж быстро спросила Порша.

– Голос, – сказал Саймон. – Кто-то поёт?

Порша отвела взгляд.

– Боюсь, я ничего не слышу, – сказала она. Саймон нахмурился. Не обращая на девушку никакого внимания, он свернул на мост, который вёл навстречу мелодии. Она поспешила за ним, стуча каблучками по твёрдому дереву.

– Ваше высочество, боюсь, нас уже ожидают, – окликнула она. – Если мы опоздаем, повелитель...

– Плевать, – отрубил Саймон. Он пробежал по следующей платформе, позабыв про высоту и про то, что любой неаккуратный шаг мог привести к падению в пропасть. И вообще, у него были крылья, а равновесие внезапно показалось не таким уж и важным.

Когда он забежал поглубже в лабиринт мостов и дорог, мелодия стала громче, – и он наконец-то заметил небольшую пристройку у дворца, к которой вёл единственный подвесной мост. Перед дверью стояли двое мужчин в зелёном, но окна были распахнуты настежь, открывая взору Саймона женщину, поющую старую рок-н-рольную песню, которую он не слышал уже много лет. Светлые волосы были заплетены в косу. Даже издали Саймон видел, как сильно она похудела, – но всё равно не мог её не узнать.

– Мама?

7

Замок в небесах

Шумный вздох Саймона разлетелся эхом, и песня мамы резко оборвалась. Несмотря на расстояние, которое их разделяло, их взгляды тут же встретись, и с лица её пропала всякая улыбка.

– Саймон? – Она перегнулась через подоконник, и он заметил на ней тёмно-синие одежды. – Ты что здесь делаешь? Что случилось? Почему...

– Достаточно. – Маму перебил резкий голос, и к Саймону подошёл высокий худой мужчина с волосами, цвет которых напоминал грязь. Перрин, самый верный лейтенант Ориона. Саймон тут же попятился.

– Я хочу увидеться с мамой, – сказал он горячо. Но пока он говорил, она отошла от окна, а стражник в зелёном закрыл ставни, загородив Саймону обзор.

Перрин фыркнул.

– Увидишься с ней, когда повелитель позволит.

– Я ему не подчиняюсь, – жарко ответил Саймон. – А уж тебе – тем более!

– Саймон, – донёсся до него голос дяди. – У вас ещё будет время увидеться. Может, сначала нам покажут, где мы будем жить?

Сначала Саймон не поверил, что Малкольм так легко спускает это Перрину с рук. Но потом обернулся и заметил мрачный взгляд дяди – поэтому заставил себя хоть немного разжать кулаки. Они пришли не ради драки, и как бы Саймон ни злился и не расстраивался, что Орион навлёк на его семью такой кошмар, запертым в курятнике искать Осколки будет куда сложнее.

– Ладно, – буркнул он, пронзил Перрина тяжёлым взглядом и поплёлся обратно. Оставлять маму было больно – его будто разрывало надвое, но, если он хотел вернуть ей свободу, нужно играть по правилам. Пока что. – Я всё равно проголодался.

– Вам очень повезло: у нас подают лучшие блюда во всех Пяти Царствах анимоксов, – с улыбкой сказала Порша, которую явно обрадовало, что он не устроил скандал.

– Лучшие в Птичьем Царстве – возможно, – сухо сказал Малкольм, – но пока не попробовала моё барбекю – считай, жизни не видела.

Саймон неохотно вернулся к остальным, но Перрин так и стоял в отдалении, наблюдая за ним. Пока Порша продолжала болтать, ведя троих гостей в сторону дворца, Саймон обернулся через плечо и заметил тяжёлый взгляд Перрина. Орион уверял, что хочет с ним помириться, но теперь Саймон хотя бы понимал, что не все обитатели Ястребиной горы разделяют его стремления – значит, скорее всего, наблюдать за Саймоном будут пристальнее, чем он ожидал, особенно учитывая то, что мама буквально в сотне метров от него.

Он так потерялся в собственных мыслях, что не заметил, как они вошли в так называемый дворец. Солнца над головой больше не было, сам воздух словно изменился – и Саймон застыл в широком дверном проёме, раскрыв рот.

Несмотря на простоватый фасад, сливающийся с лесом, интерьер полностью отвечал представлениям Саймона о замке. Полы вестибюля устилал белый мрамор, с потолка свисала хрустальная люстра, демонстрируя, чего ожидать от королевской резиденции. Высокие окна пропускали дневной свет, а на стенах, обрамлённых золотом, висели портреты мужчин и женщин, живших столетия назад.

– Так не бывает, – пробормотал Саймон, поворачиваясь на месте и пытаясь отыскать признаки наваждения. Но это была не иллюзия, и он потряс головой, злясь на себя за восхищение. – И тут всё такое?

– Да, весь дворец, – сказала Порша, проходя в вестибюль, отчётливо цокая каблуками. Малкольм пошёл за ней следом, радуясь возможности вернуться в помещение со стенами, а вот Саймон помедлил.

– Я и забыла, как тут роскошно, – сказала Уинтер, оставшаяся рядом с ним. Она вытягивала шею, оглядывалась. – Я столько раз входила в эти двери, что, наверное, однажды просто перестала замечать красоту.

В её голосе слышался отголосок тоски, и Саймон усилием воли оторвал взгляд от обстановки и взглянул на неё. Несмотря на своё удивление, он понимал, что ей тяжело. Даже тяжелее, чем они представляли, когда она согласилась сюда вернуться.

– Ты в порядке? – спросил он. Глубоко вздохнув, она кивнула.

– Да. Плохо только, что они послали за тобой Поршу, – проворчала она. – Все Гейлы – безнадёжно испорченные люди.

– Кхм.

Порша стояла в противоположном конце вестибюля, нетерпеливо притопывая, несмотря на улыбку и ямочки на щеках.

– У вас ещё будет время осмотреться, ваше высочество. За мной, пожалуйста.

Двери привели их в лабиринт из коридоров и лестниц. Порша, ведущая их куда-то, безостановочно рассказывала историю дворца. Какой правитель что добавил, какие восстания какое крыло разрушили, и какие из них были отстроены с ещё большим размахом. Слушать её было тяжело, и когда они добрались до простой белой двери, Саймон, в отличие от Порши, успел запыхаться.

– Ваше высочество, – сказала она, склонив голову. – Ваши покои.

– Покои? – хмурясь, переспросил Саймон.

– Как квартирка на Манхэттене, примерно, – пробормотала Уинтер мрачно, скрестив на груди руки. – Только без кухни.

– Там есть всё, что вам понадобится, – радостно сказала Порша, доставая ключ и открывая дверь. Петли скрипнули, будто ими давно не пользовались, и она поморщилась. – Я сейчас же пошлю за мастерами, ваше высочество.

Саймон с опаской заглянул внутрь. За дверью располагалась хорошо освещённая гостиная с белой и тёмно-синей мебелью. Ещё Саймон заметил двери, ведущие в другие комнаты.

Сходу понять было сложно, но Саймон почти не сомневался, что покои эти раза в два больше квартиры, в которой они жили с дядей.

– Малкольм с Уинтер тоже будут жить тут, да? – спросил он, заходя внутрь. Порша кашлянула, но успела ответить, потому что он обернулся и смерил её взглядом. – Да?

– Если того желает его высочество, – сказала она неохотно. – Но не могу не заметить, что в гостевом крыле их ожидают собственные апартаменты...

– Это ты про то мелкое гнёздышко рядом с комнатами прислуги? Нет, спасибо. – Уинтер плюхнулась на диван. – Нам и тут хорошо. Можешь принести чего-нибудь попить.

– Я... – Порша на мгновение стиснула зубы – так быстро, что Саймон чуть было это не упустил. – Как скажете, мисс Скай. Я попрошу прислугу принести вам напитки.

Она закрыла за собой скрипнувшую дверь, оставляя Саймона, Уинтер и Малкольма наедине. Какое-то время они молчали, а потом в мозгу Саймона что-то щёлкнуло.

– погоди, мисс Скай? – Он обернулся к Уинтер. – Ты же Уинтер Ривера.

Та уставилась на свои ногти.

– Ну... не совсем, – призналась она. – Ривера – девичья фамилия мамы и фамилия дедушки. Когда она вышла за папу, взяла его фамилию – Халсион. Это тоже благородный род.

– Значит, ты Уинтер Халсион? – ничего не понимая, спросил Саймон.

Уинтер промолчала. Малкольм, стоящий у окна, усмехнулся.

– Подозреваю, Орион дал ей свою фамилию, когда принял в семью, – сказал он; цвет его лица уже вернулся в норму. – То есть она стала Уинтер Скай.

Саймон заморгал, глядя то на Уинтер, то на дядю. Она не стала ничего отрицать, и он не сдержался:

– Так ты Уинтер Скай? Как... как «зимнее небо»?

– Уинтер Халсион Скай – «безмятежное зимнее небо», – поправила она, скрещивая руки на груди, словно защищаясь. – Не смотри на меня так. Родители не знали, что умрут и оставят мне такое дурацкое имя.

Саймон закусил губу, сдерживая смех. На самом деле было не настолько смешно – он понимал, почему она решила скрыть настоящее имя, ведь в ПРИЮТе её и так постоянно дразнили. Но напряжение сегодняшнего утра резко отпустило, и плечи его затряслись.

– Прости! – воскликнул он, заметив взгляд Уинтер. – Мне нравится твоё имя. Оно хорошее. Просто...

– Не очень-то подходит Рептилии. – Скривившись, она встала. – Я в свою комнату. Закончишь смеяться – позови, потому что я хочу есть.

– В свою комнату? – спросил Саймон, провожая её взглядом до двери.

– Да, в свою комнату, – сказала она недовольно. – Это же мои бывшие апартаменты. Куда ещё, по-твоему, могла пристроить нас Порша, чтобы побольше мне нагадить?

Она хлопнула дверью так, что затряслась мебель. Саймон посмотрел на дядю, не зная, что сказать, а тот лишь вздохнул.

– Мы понимали, что ей будет тяжело, – сказал он. – Дай ей время.

– Не уверен, что у нас его много, – ответил Саймон, опускаясь на диван, на котором только что сидела Уинтер. – Долго ещё Орион будет притворяться, что мы тут все одна большая счастливая семья?

– Пока ты будешь ему позволять, надеюсь, – ответил Малкольм, а потом вздохнул. – Послушай, Саймон. Я понимаю, что ты не хочешь, но подыграть придётся.

– Подыграть? – Саймон сморщил нос. – Я здесь. Меня называют «его высочеством», и я это терплю.

– Я не про то, – сказал Малкольм. – А вообще про всю ситуацию. Если понадобится, дай Ориону понять, что ты верен ему, а не мне. И даже не своей маме.

Саймон, не ожидавший этого, моргнул.

– Вы предлагаете сделать вид, будто я на его стороне?

– Сделай вид, будто проведённое здесь время заставило тебя задуматься над мировоззрением Ориона. Сделай вид, что понимаешь его – что разделяешь его идеалы. Для Ориона с его самолюбием... помнишь, что сказала Уинтер? Если будешь притворяться, что чему-то учишься, он может тебе поверить. Главное, чтобы это не бросалось в глаза. Иначе он решит, что ты над ним издеваешься. Но если понадобится – встань на его сторону, не на мою.

Нахмурившись, Саймон оглядел затейливую вышивку декоративной подушки, утыкавшейся ему в бок. Он понимал, что имеет в виду дядя, но его предложение казалось таким невероятным, таким невозможным, что даже представить не получалось.

– Орион убил папу. Он убил дядю Дэррила, – сказал он тихо. – Я не могу просто взять и... сделать вид, что он мне нравится.

– И не надо, – сказал Малкольм. – Сделай вид, что уважаешь его. Пока он тебе не поверит, ничего полезного ты от него не добьёшься.

На сердце зануло. Саймон понимал, что дядя прав – да, он не доверял Ориону, но и Орион ему не доверял. Однако была черта, перешагнуть которую он не мог.

– А что будете делать вы с Уинтер? – спросил он. – Если пойдёте искать Осколки, и вас поймают...

– Не пойдём, – сказал Малкольм. – Я буду делать вид, что я тут высокопоставленный гость, а Уинтер...

– Обязательно вляпается в неприятности.

Низкий голос раздался откуда-то сзади; Саймон резко обернулся, чуть не свалившись с дивана. Только сейчас он понял, что окно было приоткрыто – а на подоконнике стоял сапсан, безотрывно глядящий на Саймона своими чёрными глазами.

8

Девять благородных семей

Саймон не мог выдавить ни звука.

Он открывал и закрывал рот, готовый выпалить сотню оправданий, мелькавших в голове, но сказать ничего не мог. Малкольм уже вскочил на ноги, направляясь к подслушивавшей птице, будто намеревался свернуть ей шею. И хотя Саймон понимал, в какой ситуации они оказались – а она была очень, очень плохой, – позволить дяде убить очередного анимокса было бы значительно хуже.

– Дядя Малкольм, не... – начал было он, но его прервал возглас.

– Рован!

Уинтер пронеслась через гостиную так быстро, что Саймон только и увидел, что расплывчатое пятно. В то же время сапсан начал превращаться, и в объятия её поймал уже молодой парень со светлыми волосами и лёгкой щетиной.

– Я так по тебе скучала, – сказала Уинтер, утыкаясь лицом ему в грудь. – Почему ты не встретил нас на входе? Они прислали Поршу Гейл.

– Поршу Гейл? – Рован отпустил её. – И вы обе ещё живы? Невероятно. Или ты просто успела спрятать тело? – Он подозрительно оглядел комнату. Уинтер ткнула его локтем под рёбра.

– Если и успела, ты её не найдёшь, – хихикнула она.

Малкольм, стоящий между ними и диваном, кашлянул – до сих пор напряжённый и готовый броситься в любое мгновение. Рован спокойно обернулся к нему, широко улыбаясь.

– Альфа, – сказал он, почтительно склоняя голову. – Рад встретить вас в дружелюбной обстановке. Я Рован Перрин, сын...

– Я тебя знаю, – угрожающе сказал Малкольм. – И знаю, что ты состоишь в армии Ориона. Причём в высоком звании. А ещё – что ты пытался похитить моего племянника и его друзей, когда они ехали из Нью-Йорка в Аризону.

– Он хотел нас защитить, – сказала Уинтер, закрывая его собой.

– Я хотел их защитить, – быстро согласился Рован, пытаясь сдвинуть Уинтер. Та не поддалась и с места не сошла.

– Хочешь сказать, что если бы схватил Саймона, – произнёс Малкольм с вызовом с голосом, – то не передал бы его Ориону?

Рован нервно переступил с ноги на ногу.

– Даже если бы передал, то первым делом бы помог вашему племяннику бежать. Я лишь старался его защитить.

– Это просто слова, – сказал Малкольм, угрожающе шагая к нему. – Откуда мне знать, что ты не пойдёшь к Ориону, как только мы тебя отпустим?

– Он не врёт, – выпалил Саймон. Дядя хмуро посмотрел на него, но он не сдался: – Всё, что сказал Рован – правда.

– Ты-то откуда знаешь? – поинтересовался Малкольм. – Он тебе помогал?

– Ну... – Саймон понимал, что не стоит доверять незнакомым, но Рован работал на Лео – и был единственным шпионом Лео в Птичьей армии. Он не мог рассказать об этом Малкольму, потому что дядя считал Лео мёртвым, однако мог остановиться на полуправде. – Он... он друг Зии, – пояснил Саймон. – Можешь с ней связаться. Она за него поручится.

Малкольм просверлил Рована взглядом, обдумывая слова Саймона. Ладони его сжались в кулаки, и тогда Саймон встал рядом с Уинтер, перекрывая оставшемуся в меньшинстве дяде путь.

– Он всё это время помогал маме, – тихо сказал Саймон. – Защищал её, прикрывал меня. И он всё равно знает, чем мы занимаемся. Обещаю, дядя Малкольм, он не расскажет Ориону.

– Орион и так знает, – неожиданно произнёс Рован голосом, дрогнувшим из-за угрозы, исходящей от Альфы. – Он знает, что Саймон хочет найти Осколки. Знает, что вы с Уинтер пришли помочь. И подозревает, что где-то поблизости выжидают сын Генерала и юная Королева Чёрная Вдова. Я пришёл предупредить, – добавил он. – Куда бы Саймон ни пошёл, за ним будут следить. Ему опасно искать Осколки. По крайней мере, без помощи изнутри.

– И ты собрался помочь? – спросил Малкольм, не поддаваясь. Рован кивнул.

– Я отвечаю за безопасность Саймона, – сказал он. – Я знаю, кто и где будет за ним следить, поэтому, если дадите мне время, устрою слепые зоны. Дам возможность осмотреться без лишних глаз.

Малкольм фыркнул.

– И с чего нам тебе верить?

– Потому что без меня вы не справитесь, – ответил Рован, расправляя плечи. – Вы можете мне не доверять, но, надеюсь, я достаточно помогал Саймону и его маме, чтобы он дал мне шанс.

Комната погрузилась в тишину. Саймон смотрел то на дядю, то на Рована, не зная, чего ожидать. А потом единым движением Малкольм рванулся вперёд и схватил Рована за зелёное одеяние, притягивая к себе.

– Слушай сюда, – прорычал он так низко, что Саймон с трудом расслышал. – Если с моим племянником что-то случится, я буду винить тебя, и расплачиваться придётся кровью. Всё ясно?

Рован кивнул со зловещим спокойствием. Малкольм скрепя сердце отпустил его – и пока Саймон думал, что тут сказать, дядя вышел из комнаты и твёрдой рукой закрыл за собой дверь.

– Н-да. – Рован прокашлялся. – Интересный разговор вышел. Уинтер, я, конечно, ценю заботу, но можешь превращаться обратно.

Только тогда Саймон заметил змею у ног Рована, угрожающе демонстрирующую клыки. Недовольно прошипев что-то, подозрительно напоминающее ругательство, змея снова стала Уинтер.

– Ты собиралась укунить дядю Малкольма? – спросил Саймон, у которого от неожиданности распахнулся рот.

– Если бы он напал на Рована, – проворчала она. – Ты же знаешь, Малкольм бы его в порошок стёр.

– Эй, ну не надо, – сказал Рован и рассмеялся, избавляясь от остатков напряжения. – У меня, конечно, нет мускулов Альфы, но драться я умею. Так, давайте-ка найдём вам одежду, а там можно и до обеденного зала дойти?

Уинтер мгновенно скривилась.

– Я не надену оранжевый.

Его улыбка пропала.

– Уинтер, ты знаешь правила не хуже меня.

– Я всё ещё принадлежу к королевской семье, – резко заявила она. – Я всё ещё Скай, а если Орион больше меня не признаёт – то я все ещё Халсион, я здесь выросла. Этого у меня не отнять.

– Не отнять, – сказал Рован так ласково, что Саймону показалось, будто он подслушивает чей-то личный разговор. – Ситуация сложная, уверен, историки ещё долго будут её разбирать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.